

Информационно–аналитический журнал

с о в р е м е н н ы й
Иран

№46

июль 2015

Информационно-аналитический журнал
современный
Иран

№ 46
июль 2015 г.

Свидетельство о регистрации ПИ 1 ФС77-41649
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 12 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Раджаб Сафаров (Главный редактор)
Александр Проханов
Сергей Бабурин
Дмитрий Рюриков
Виталий Третьяков
Максим Шевченко
Игорь Панкратенко (Шеф-редактор)

Адрес редакции

119049, Москва, Коровий вал, д. 7, стр. 1, оф. 6

В издании использованы фотоматериалы
ИТАР-ТАСС, РИА Новости, РИА Иран.ру

Содержание

Краткое содержание номера.....	2	Иран и ШОС: итоги уфимского саммита без иллюзий.....	34
Саудовские ловушки для России? <i>Владимир Ефимов</i>	7	Иранская нефть и газ после Венского соглашения <i>Игорь Панкратенко</i>	39
Переговоры в Вене: пять дней до финиша?.....	12	Москва и Тегеран после «Венского пакта»: расходимся? <i>Игорь Панкратенко</i>	44
Россия или Запад поведет Иран к «венцу»? <i>Евгений Шестаков</i>	17	США — Иран: перспективы туманны <i>Оксана Полищук</i>	49
После санкций. Что сулит России снятие торговых ограничений с Ирана <i>Ксения Мельникова</i>	20	Тегеран-Пекин: амбициозный лев и крадущийся дракон <i>Игорь Панкратенко</i>	52
БРИКС и ШОС — на смену ПАСЕ и ОБСЕ <i>Василий Иваненко</i>	24	Иран в новом качестве: реакция Эр-Рияда и Тель-Авива.....	57
Всеобъемлющий договор с Ираном в ядерной сфере полностью согласован <i>Евгений Шестаков</i>	28	Итоги Вены: Дом, построенный на песке.....	61
Иранский гамбит <i>Ирина Джорбенадзе</i>	31	Тегеран: внутривполитическая интрига «Венского пакта».....	65

Краткое содержание номера

Очередной, 46-й номер журнала «Современный Иран» вполне можно назвать знаковым. Поскольку большинство материалов в нем посвящены политическому главному событию сезона, подписанию итогового Соглашения по ядерной программе Ирана в Вене.

Редакция журнала старалась, насколько это возможно, держать своих читателей в курсе происходящего в австрийской столице, регулярно публикуя материалы о ходе переговоров. Как выяснилось позднее, что-то из опубликованного представляет теперь уже исключительно, если можно так выразиться, исторический интерес. Но некоторые выводы не потеряли свою актуальность и после заключения «Венского пакта».

События в Вене несколько отодвинули в информационном поле итоги прошедшего в Уфе саммита БРИКС и ШОС, а также результаты Санкт-Петербургского экономического форума. Но редакция журнала, естественно, не прошла мимо этих событий, посвятив каждому из них отдельную статью.

«Приезд многочисленной и представительной делегации Саудовской Аравии на Санкт-Петербургский экономический форум во главе с заместителем наследного принца, министром обороны и сыном нынешнего короля Салмана принцем Мухаммедом, а также атмосфера, в которой делегацию принимал президент Владимир Путин, как и подписанные по итогам переговоров меморандумы и соглашения на десятки миллиардов долларов вызвали много слухов и кривотолков о том, почему это произошло. Ведь хорошо известно, что Эр-Рияд никогда не отличался симпатиями к Москве», — говорится в материале «Саудовские ловушки для России?», автор которого подчеркивает: «Визит Мухаммеда бин Салмана в Москву и его щедрые посулы — это все хорошо спланированная и согласованная с Вашингтоном акция по дальнейшему удушению России. И саудовцы ничего не потеряют, даже если им позволят кое-что вложить в РФ».

«По большому счету, вопрос о том, будет ли подписано какое-то соглашение 7-го июля, 9-го июля или позже, уже не имеет принципиального значения», — отмечается в редакционном комментарии Iran.ru «Переговоры в Вене: пять дней до финиша?». — «Дело не в достигнутых договоренностях, а в том, как их намерены выполнять Вашингтон и его союзники. Ведь практически все республиканцы и часть демократов в Конгрессе, ВПК США, Израиль, Саудовская Аравия, Катар и их сателлиты никак не хотят, чтобы Иран освободился от санкций».

ШОС набирает темп, избавляется от балласта и декларации, становится более динамичной структурой. Но, все же нет пока конкретики в решениях и не разработаны механизмы оперативного и эффективного реагирования на современные вызовы и угрозы. Более того, итоги завершившегося на днях мероприятия всерьез заставляют задуматься об опасности превращения этой организации в очередной «клуб по интересам», не способный и не желающий проводить в регионе эффективную самостоятельную политику. И в вопросе членства Ирана в ШОС на уфимском саммите также прорыва не произошло. Причины этого рассматриваются в редакционном коммен-

тарии **«Иран и ШОС: итоги уфимского саммита без иллюзий»**, в котором делается следующий вывод: *«Шанхайская организация действительно перешла к переломному моменту своего развития. Но варианты ее дальнейшей судьбы не блещут разнообразием — либо государства-участники включаются в реализацию китайской концепции «экономического пространства Новый Шелковый путь» (в его сухопутном варианте), либо она стремительно повторяет судьбу „большой семерки“ — тусовка на высшем уровне, переговорная площадка, состоящая в которой статусно, но не для решения конкретных вопросов, исходящих из национальных интересов стран-участников».*

«Итоги Вены: Дом, построенный на песке» — так называется редакционная статья Iran.ru. Ведь, эйфория охватила весь мир после новостей из Вены. Подписанное в австрийской столице итоговое Соглашение по иранской ядерной программе уже называют историческим. Политики говорят, что самый сложный вопрос мировой политики, переговоры по которому заняли ни много ни мало тринадцать лет, успешно разрешен и снят с повестки дня. Но так ли уж безоблачно выглядят перспективы достигнутого Соглашения между Ираном и «шестеркой» международных посредников?

И действительно, к принятому в Вене документу есть масса вопросов. Прежде всего, одномоментного снятия санкций, на чем так настаивал все эти годы Тегеран, не произойдет. Не будет преувеличением сказать, что ряд положений Соглашения, особенно в части контроля за его исполнением и обратимостью санкций делают документ крайне уязвимым для действий противников Ирана. Процесс снятия ограничений откровенно «размазан», уязвим для внешнего воздействия и легко обратим. На сегодняшний день гарантиями его выполнения являются только «миролюбивые намерения» Вашингтона, Лондона и Парижа, то есть, по сути, здание Соглашения выстроено «на песке».

Как бы ни убеждали нас в обратном, но точка в «иранском ядерном досье» Соглашением в Вене не поставлена. Поскольку само это досье — лишь прикрытие более серьезной проблемы: экономических и политических санкций, инструмента, которым антииранская коалиция пытается «корректировать» негодный ей внешнеполитический курс Тегерана. Отказ от этой, с позволения сказать, дубинки — и есть главная «красная линия» для Вашингтона, Парижа, Лондона и его союзников на Ближнем и Среднем Востоке. Никаких гарантий того, что этот отказ реально произойдет, «Венский пакт», по большому счету, не предоставляет. А значит и эйфория по поводу «исторического соглашения» как минимум преждевременна.

Среди части иранских бизнесменов и в международных деловых кругах после подписания «Венского пакта» — итогового Соглашения по ядерной программе — слухи бродят один фантастичнее другого. Кто-то ожидает ливня инвестиций в экономику и огромной очереди из иностранных бизнесменов, ожидающих раздачи кусочков рынка. Кто-то говорит об обрушении цен на нефть и газ. И все это — и позитивное, и негативное — должно, по мнению комментаторов, произойти буквально со дня на день. Тема это настолько актуальная, что в цикле материалов Iran.ru, посвященный итогам венских соглашений вопросам дальнейших перспектив нефтяных и газовых рынков была посвящена отдельная статья, **«Иранская нефть и газ после Венского соглашения»**.

«Собственно, иранская нефть сколько-нибудь серьезно начнет влиять на ценообразование не раньше конца 2016 года», — утверждает в этом материале. — «Реальные объемы иранской нефти, а не те политически ангажированные декларации, которое заявляет министерство Зангене, мировой рынок способен „переварить“ без особых для себя потрясений». Аналогичной выглядит и ситуация по газу: «Даже если реализация „Венского пакта“ в части снятия санкций пойдет по оптимистическому сценарию — без осложнений, даже если иностранные инвесторы в самое ближайшее время рискнут миллиардными вложениями в газовый сектор — даже при этих благоприятных условиях Иран сможет нарастить к 2020 году свой экспорт в Турцию и Европу в диапазоне от 10 до 20 миллиардов кубов, не больше». И к этой экономической реальности следует добавить политику, куда же без нее. США, конечно, горячо приветствуют намерение Европы максимально снизить за счет Ирана свою зависимость от российского газа. Но это совершенно не означает, что Вашингтон позволит европейцам безоглядно упасть в объятия иранских газовиков, у них и свой товар на продажу имеется.

Для иранского общества и правящих элит страны «Венский пакт» значит куда больше чем просто итоговое Соглашение по ядерной программе. Его подписание дает старт новому этапу политической борьбы между различными общественными силами Исламской республики. Борьбы за выбор одной из альтернатив дальнейшего пути развития — либо сохранение нынешнего антизападного курса и верности принципам Исламской революции, либо отказ от противостояния с США, проведение широких внутренних реформ и политика «прагматизма» в форме внешнеполитических компромиссов, которые в себе носят определенный риск ценностям и устоям Исламской республики. Об этом говорится в редакционной статье Iran.ru под названием **«Тегеран: внутривнутриполитическая интрига „Венского пакта“»**.

Спекулируя на надеждах, которые родились в обществе после подписания «Венского пакта», поддерживая настроения всеобщей эйфории, иранские «реформаторы», впрочем, осознают зыбкость своего положения. Они прекрасно понимают, что сколько-нибудь заметного положительного эффекта от санкций можно ожидать не раньше, чем через год. А все это время перед ними будет стоять весьма сложная задача — сдерживать разочарование общества от несбывшихся надежд, которые они сами этому обществу внушили. До Вены было проще — все провалы в экономике можно было объяснять санкциями и коррупцией предыдущей администрации. Кто будет назначен «козлом отпущения» сейчас? — задаются вопросом в статье.

Удастся ли консерваторам эффективно заблокировать план «ползучих реформ» и не допустить перекоса политического баланса в сторону оппонентов — покажет время. «Венский пакт», помимо прочих последствий, запустил серьезный политический процесс внутри Ирана. Современные вызовы, накопившиеся проблемы в социальной и экономической сфере, безусловно, требуют ответа в виде определенных изменений и в обществе, и в управлении, и в структуре народного хозяйства. Вопреки общему заблуждению, иранские консерваторы это осознают ничуть не меньше реформаторов из президентского окружения. Но при этом считают самым важным не реформы ради реформ, а сохранение ценностей Исламской республики, социальной стабильности и политического баланса в обществе.

Не успели высохнуть чернила под «Венским пактом», как уже успели назвать итоговое Соглашение журналисты, как сомнения в готовности выполнять подписанное стали политическими реалиями.

Тон российских обозревателей, комментирующих итоги «Венского пакта» — Соглашения по ядерной программе Ирана — в большинстве случаев уныл и пессимистичен. «Тегеран выбирает Запад», «сотрудничество с Россией будет свернуто», «иранские нефть и газ обрушат энергетический рынок, нанеся тем самым еще один удар по отечественной экономике». Существуют ли основания для подобных опасений? Безусловно. Станут ли они неприятной для Москвы реальностью завтрашнего дня? На этот вопрос пытается ответить материал **«Москва и Тегеран после „Венского пакта“: расходимся?»** В своем заявлении по итогам Венских договоренностей Президент Владимир Путин заявил, что «новый мощный импульс получают наши двусторонние связи с Ираном, на развитии которых более не будут сказываться внешние факторы». И несмотря на существующие сложности, отмечается в статье, *«западный финансово-промышленный капитал не намерен, да и не готов немедленно начать экспансию на иранский рынок. То есть, ниша для России сохраняется, и она достаточно просторна».*

Но не только Россия, Израиль, США и Саудовская Аравия задействованы в процессе реализации венских соглашений. Китай был и остается, по сути, единственной страной, которая в последнее десятилетие проводила в отношении Ирана самостоятельную политику. Учитывая, разумеется, международную конъюнктуру, но при этом ни на шаг не отступая от присущего Пекину прагматизма. Когда этого требовали интересы национальной экономики, Китай попросту игнорировал позицию Запада в иранском вопросе и введенные против Тегерана санкции. Сегодня, после подписания итогового Соглашения в Вене, у двух стран появилась реальная возможность стать стратегическими партнерами. Будет ли она реализована? Подробности — в статье **«Тегеран-Пекин: амбициозный лев и крадущийся дракон»**, в которой, в частности, говорится: *«Иран и Китай — переговорщики крайне сложные. Ко всему, в их отношениях достаточно спорных моментов и взаимного недопонимания. От того, сумеют ли они их преодолеть, во многом зависит и то, станет ли реальностью стратегическое партнерство „амбициозного льва“ и „крадущегося дракона“. Партнерство, способное сформировать новую политическую и экономическую реальность Востока, от Турции и Ирака до Пакистана, от Центральной Азии до Синьцзяна».*

«Соглашение по ядерной программе Ирана состоялось, и для своих ближнево-соседних соседей Тегеран предстал теперь в новом качестве — страны, с которой, возможно, будут сняты экономические санкции. Страны, сотрудничество с которой не повлечет за собой неодобрения Вашингтона. И, главное, страны, которая получит дополнительные возможности для проведения более активной внешней политики в регионе. Впрочем, антииранская позиция Эр-Рияда и Тель-Авива остается неизменной», — отмечается в статье **«Иран в новом качестве: реакция Эр-Рияда и Тель-Авива»**. — *«Изменения, вызванные итогами Вены, коснулись этих влиятельных региональных игроков только в части их отношений с США».* Заявлениями дело не ограничилось. Министр обороны США Эштон Картер посетил Саудовскую Аравию, где долго беседовал с королем Салманом и наследными принцами, объясняя им, что соглашение с Ираном ничего не изменит в американо-саудовских отноше-

ниях. Что Эр-Рияд, наряду с Тель-Авивом, по-прежнему остается главным стратегическим партнером Америки в регионе. И что этот пункт внешней политики США ревизии не подлежит. Ну а Израиль получил от США дополнительные гарантии своей безопасности и еще больший объем военной и финансовой помощи.

Каким будет выбор ШОС? Как будет развиваться дальнейшая ситуация с реализацией подписанного в Вене итогового Соглашения по иранской ядерной программе? Что нового произойдет в Иране и вокруг него? На все эти вопросы редакция постарается ответить в следующих выпусках журнала «Современный Иран».

Владимир Ефимов

Саудовские ловушки для России?

Приезд многочисленной и представительной делегации Саудовской Аравии на Санкт-Петербургский экономический форум во главе с заместителем наследного принца, министром обороны и сыном нынешнего короля Салмана принцем Мухаммедом, а также атмосфера, в которой делегацию принимал президент Владимир Путин, как и подписанные по итогам переговоров меморандумы и соглашения на десятки миллиардов долларов вызвали много слухов и кривотолков о том, почему это произошло. Ведь хорошо известно, что Эр-Рияд никогда не отличался симпатиями к Москве.

И, кроме того, уже не раз декларировались подобные «исторические прорывы», в том числе в ходе поездки Владимира Путина в КСА в 2007 году, но результатом всех предшествующих договоренностей стал ноль. Более того, во время арабской «весны» позиции России и Королевства были диаметрально противоположны: Москва была против свержения режимов в Сирии, Ливии, Йемене и т.д., тогда как КСА не только это поощряло и финансировало, но и вставляло палки в колеса российским усилиям положить конец беззаконию исламистских экстремистов. Так что же произошло сейчас? Откуда такой сюрприз, да еще с обеих сторон?

Внешняя картинка

На самом же деле, ничего особого не произошло. Никаких миллиардов Саудия не дала. Меморандумы о намерениях сторон, будь то ВТС, сотрудничество в сфере нефти, ядерная энергетика, космос, инвестиции — это пока что не более чем декларации. Только контракты можно рассматривать как осязаемые итоги и реальные результаты. В свое время в сфере ВТС были даже не только соглашения, но и запарафированные контракты, которые так и остались клочками бумаги. Как только Москва проголосовала в СБ ООН в поддержку проекта резолюции Запада о введении международных санкций против Ирана, морковку у России саудовцы отняли. Приманка сработала, Москва попала в ловушку. В результате, Россия потеряла возможность развивать сотрудничество с Тегераном, ничего не получив от Саудии взамен, и де-факто оказалась в фарватере политики США и КСА. Были и другие многомиллиардные ловушки-завлекалки. На этом специализировался принц Султан Бандар, который в то время отвечал за спецслужбы Королевства и дважды накануне Олимпиады в Сочи приезжал к Владимиру Путину с заманчивыми денежными предложениями и даже обещаниями не допустить теракты на российской территории в ходе олимпийских игр. Но

не сработало. Тогда Бандару не поверили. Зато произошло 2 крупных теракта в Волгограде и Пятигорске за несколько недель до открытия Олимпиады. Так что же случилось сейчас? Разве Эр-Рияд стал лучше? Поменял свое отношение к России? А тогда как быть с продолжением его линии при новом короле Салмане на свержение правящего режима в Дамаске или началом воздушной войны против Йемена? Нет, агрессивность нового руководства Королевства после смерти короля Абдаллы только возросла. Особенно когда Салман сделал своего любимого сына Мухаммеда — недавнего гостя в Санкт-Петербурге — заместителем наследного принца и министром обороны. Он наиболее рьяно выступал за начало военной операции против хуситов в Йемене, хотя никаким опытом военного командования в свои 33 года не обладает. Он даже смог отеснить наследного принца Наифа, который старше его по должности и является его двоюродным братом, от военной операции против Йемена. О Сирии говорить не приходится. Как и об Иране. Враждебность нового саудовского руководства в отношении Тегерана только возросла. Нынешние правители Эр-Рияда сделали все возможное, чтобы сорвать сделку по иранской ядерной программе (ИЯП) между «шестеркой» международных посредников (читай — США) и ИРИ. Салман даже демонстративно не поехал на встречу Обамы с лидерами стран ССАГПЗ в Кэмп-Дэвиде, чтобы якобы показать свое недовольство политикой Вашингтона.

Вот, видимо, некоторые аналитики в России, которые надеются на получение саудовских миллиардов, и погнало волну в плане того, что теперь, дескать, в КСА новые Саудиты молодой генерации, с которыми можно найти общий язык. А тут еще такой состав делегации, в которой были министр иностранных дел Адиль Джубайр и министр нефти Али аль-Наими, не говоря уже о куче других высокопоставленных деятелей инвестиционного, экономического и военного профиля. Но главное — столь помпезный визит происходил в условиях, когда США и ЕС не только ввели, но и усиливают экономические санкции в отношении России. Это позволило все тем же «экспертам» внушать руководству России, что траектория движения Эр-Рияда отныне не совпадает с траекторией движения Вашингтона, поскольку саудовцы, дескать, разочаровались в США, которые начали процесс восстановления отношений с Тегераном.

Конечно, потерпев поражения на многих направлениях — от Йемена, Сирии до Ирака и Ирана — Саудовская Аравия стала отчетливо осознавать, что США более не являются единственным влиятельным игроком на Ближнем Востоке, и необходимо искать новых партнеров. А то, что Россия в случаях с Сирией, Йеменом, Ираком и Ираном стала играть все более весомую роль, и игнорировать ее уже нельзя, наконец-то дошло до правителей Королевства. Кстати, известный авторитет среди арабского экспертного сообщества Абдель Рахман ар-Рашид в издаваемой в Лондоне на саудовские деньги газете «Аш-Шарк аль-Аусат» делает вывод о том, «Саудовская Аравия хочет привлечь Россию на свою сторону, поскольку Россия стала важным фактором в делах региона, в Сирии, Йемене, Ливане, в достижении военного паритета с Ираном. Но решение этой задачи требует концентрации и постоянной работы». А если изложить последние его слова на простом языке, то он говорит: Москву нужно попытаться купить огромными деньгами, чтобы она прекратила помогать упомянутым странам.

Вполне понятно и то, что в определенной мере этот своеобразный петербургский «демарш» Эр-Рияда стал саудовской реакцией на изменения американского курса на Ближнем Востоке — сближение Вашингтона с Ираном и нежелание посылать американские войска на помощь своему главному союзнику — КСА, который завяз в Йемене и Сирии. Но только мало сведущий в саудовских делах эксперт может серьезно поверить в то, что саудовско-российское сближение, это — реакция КСА на проводимую США политику в регионе. А вот использование этого тезиса для внешнего потребления — вполне возможно. Тем более если речь идет о вовлечении американцами Эр-Рияда в очередной антироссийский сговор.

А что же в реалии?

Сложно поверить в серьезность того, что сейчас происходит между Москвой и Эр-Риядом. По целому ряду причин. Но достаточно назвать лишь две:

1. Саудовская Аравия — это вовсе не самостоятельная региональная держава, которая способна вот так просто взять и «кинуть» в России сотню миллиардов долларов. Она прекрасно понимает, что США это просто так «не проглотят». Вся финансовая система КСА завязана на ФРС США. И Вашингтону достаточно лишь пальцем пошевелить, чтобы оставить Королевство без денег. Ведь любые крупные проплаты по любым сделкам проходят только с одобрения ФРС, которые контролируют минфин КСА, а американские советники физически и реально сидят во всех саудовских госструктурах, связанных с денежными потоками. В том числе и в министерстве нефти. И надо же, все-таки находятся в Москве те, кто думает, что Саудии американцы позволяют дать России в нынешних условиях войны, объявленной Вашингтоном против Москвы через экономические санкции, хоть 5 млрд долл. Неужели еще остаются в российской политической элите те, кто наивно полагает, будто нынешние усилия США и Запада в целом по удушению России и прежде всего путем свержения Владимира Путина — это некая игра, а не стратегическая цель?

Ведь без удушения России США не смогут остановить рост Китая, в том числе и в военной сфере. На данный момент Китай без России с ее ядерным и энергетическим потенциалом — это не конкурент Америке. И если раздавить Россию, то затем последует главный этап в стратегии США — удушение самого Китая. А тут вдруг добренькие саудовцы, якобы обозленные политикой Обамы, вдруг на блюдечке приносят 100 млрд долл. России в условиях продолжающегося падения нашей экономики! Да за это Вашингтон в течение нескольких дней поменяет всех «новых» правителей Эр-Рияда на более «понятливых». И это не просто слова. Нужно хотя бы вспомнить, какие мощные вооруженные силы США окружают КСА в виде крупнейшей в регионе базы ВВС в Эль-Удейде (Катар), базы пятого флота ВМС США (Бахрейн), 45 тыс. американских военнослужащих в Кувейте. Да еще тысячи американских солдат в других странах ССАГПЗ, включая само Королевство. Тем более что и в правящей семье Аль Сауд полно недовольных нынешними правителями, которые все подмяли под себя. А саудовская армия слаба. Она терпит поражение в Йемене. Хуситы при поддержке их братьев-шиитов в Наджране уже захватили часть саудовской территорию и находящуюся там крупную военную базу. Так что несколько сот амери-

канских спецназовцев при поддержке проамериканских принцев в клане Аль Сауд очень быстро и легко поставят на место любого нового короля в КСА. За несколько часов. Так что вывод напрашивается сам по себе — визит Мухаммеда бин Салмана в Москву и его щедрые посулы — это все хорошо спланированная и согласованная с Вашингтоном акция по дальнейшему удушению России. И саудовцы ничего не потеряют, даже если им позволят кое-что вложить в РФ, прежде всего в ядерную энергетику. Это — лакомый кусок. Через саудовские инвестиции в ядерную промышленность России американцы получают доступ к тому, до чего они пока не добрались — самым передовым в мире ядерным технологиям Москвы.

А вложенные саудовские денежки в ядерную энергетику, если они будут, то в любом случае уцелеют. Ведь, в Вашингтоне уверены — еще год-полтора, и в России будет смена власти с нынешней на проамериканскую. А уж новые власти России уже не вывернутся из когтей Запада, как это удалось сделать Владимиру Путину в последние 10 лет. На этот раз американцы думают, что в Россию придут надолго и будут напрямую контролировать все — от энергетики до внешней политики. Видимо, в Москве стали забывать, что было при Ельцине — Козыреве. Так что Эр-Рияд может обещать хоть триллион долларов — но России это ничего не даст.

2. Россия была, есть и, возможно, будет злейшим врагом ваххабитского режима Саудовской Аравии, который прекрасно помнит Афганистан при СССР, Сирию, Ливию, Йемен, Ирак и Иран при нынешних властях. Россия никак не вписывается в шариатско-салафитские планы Эр-Рияда. И лишь мешает поскорее покончить с Сирией и Йеменом, Ираком и Ираном. Ведь в этих странах у власти шииты — самые главные враги КСА. А тут Россия своими действиями путает все карты. Да и в отношении Северного Кавказа и Поволжья планы Королевства радикально расходятся с политикой Москвы. Как и в отношении Центральной Азии.

Зачем действительно нужна Россия Саудовской Аравии?

Приведем наиболее примечательные саудовские комментарии по поводу визита Мухаммеда в Москву. Саудовская, но издающаяся в Лондоне, газета «Аш-Шарк аль-Аусат» пишет: «Стремление Саудовской Аравии к развитию контактов с Россией в ядерной сфере означает, что эта страна решила стать членом клуба ядерных держав. Подписание саудовско-российского «Соглашения о мирном использовании ядерной энергии» стало вторым доказательством этого намерения, первым же — принятое месяц назад саудовским министром образования решение об отправке тысячи студентов за границу для обучения в области энергетики, включая и ядерную. Разумеется, нельзя представить, что Саудовская Аравия совершит переворот в своих позициях и в сфере союзнических связей в отношениях с США.

Эр-риядская газета «Аль-Ватан» написала, что «Саудовская Аравия и Россия сближаются... в течение двух часов!» — имея в виду продолжительность встречи принца Мухаммеда бен Салмана и Владимира Путина. Однако ни эта газета, ни другие саудовские газеты не поместили каких-либо комментариев в отношении того, что можно было бы назвать «прорывом» в дву-

сторонних отношениях, ограничиваясь только лишь мнениями экспертов. И это вполне объяснимо.

Член саудовской делегации, председатель Совета торгово-промышленных палат Абдель Рахман аз-Замиль заявил, что Саудовская Аравия заинтересована в «использовании российского опыта и российских технологий, поскольку Россия достигла ощутимого прогресса в этой сфере». Однако, по его словам, нуждаясь в новых источниках электроэнергии, саудовская сторона «предприняла аналогичные инициативы и в отношении других международных структур, также достигших ощутимого прогресса в этой сфере». Так можно это считать прорывом? Вряд ли.

А саудовский министр нефти и природных ресурсов Али ан-Нуэйми был еще более откровенен. В интервью газете «Аш-Шарк Аль-Аусат» он написал, что Саудия достигла стоявшей перед ней важной цели — привязать нефтяную политику России к собственным интересам, в том числе, и с точки зрения приближающейся возможности возвращения Ирана на мировой рынок нефти.

Ну, а подписанный в Санкт-Петербурге «Меморандум о совместных намерениях в области космоса» вот как прокомментировал принц Турки бен Сауд бен Мухаммед: «Все наши космические программы мы еще будем определять. Это произойдет, даст Бог, только в будущем. Во всяком случае, у нас будет серьезная космическая программа, которая включит и подготовку саудовских технических кадров». Так что России придется долго ждать, прежде чем она сможет получить сколько-либо реальные доходы от развития космического сотрудничества с Эр-Риядом.

* * *

Станет ли Россия саудовским партнером? Вряд ли. Нет никаких сомнений в сохранении высокого уровня партнерства КСА с США, как и никаких намеков на то, что развитие отношений с Россией выходит за рамки традиционного саудовского курса диверсификации внешнеэкономических связей. Причем это в лучшем случае. Но вот что интересно. 19 июня газета «Аль-Хайят», которая также финансируется Саудией, сообщила, что в ходе закрытой части встречи принца Мухаммеда бен Салмана и президента Владимира Путина «детально обсуждалось положение в Йемене, Сирии, Ираке и Ливии, а также другие региональные и международные вопросы». И по словам главы саудовского внешнеполитического ведомства Адель аль-Джубейра, «визит наследника престола в Россию помог решению многих вызовов, с которыми Саудовская Аравия сталкивается в регионе, что внесет свой вклад в дело развития всесторонних отношений с Россией». Это можно истолковать только как одно: Россия скорее всего пошла на удовлетворяющие саудовскую сторону уступки в отношении политических проблем Ближнего Востока. И свидетельство тому уже есть: по последним сведениям, свой визит в РФ якобы отложила делегация хуситов и сторонников Али Абдаллаха Салеха из Йемена. Осталось дождаться того, в какой атмосфере и в каком ключе пройдет встреча Владимира Путина с Хасаном Роухани в Уфе и что будет происходить в ближайшее время в Сирии и Ираке.

Переговоры в Вене: пять дней до финиша?

Драмматизм на переговорах в Вене нарастает. За несколько дней до очередного «окончательного срока» подписания соглашения по ядерной программе между Ираном и «шестеркой» государств-международных посредников Тегеран и Вашингтон обменялись достаточно жесткими заявлениями.

Хасан Роухани пообещал в случае очередного переноса сроков возобновить ядерные исследования в полном объеме. На что Барак Обама пригрозил вообще свернуть переговорный процесс. Между тем, как стало известно из весьма информированных источников, черновик итогового документа уже почти готов.

Игра вокруг иранского ядерного досье затянулась настолько, что ее дальнейшее продолжение становится бессмысленным. Многочисленными обещаниями и оптимистичными заявлениями стороны сами загнали себя в тупик. И сами поставили себя в ситуацию, из которой есть только два выхода: либо в ближайшие дни подписать хоть какой-то документ, либо публично признать фиаско переговорного процесса. Отсюда — нервы и нарастающий драмматизм публичных заявлений. Которые, нужно отметить, мало затрагивают работу дипломатических «шерпов», в срочном порядке верстающих сейчас контуры итогового Соглашения и пытающихся достичь приемлемого всеми сторонами компромисса в формулировках этого документа.

Итак, о чем удалось договориться, а что, в свою очередь, остается камнем преткновения? Какие внешние факторы влияют на переговорный процесс? Вот главные вопросы и, вместе с тем, основная тема данного комментария.

Что согласовано?

1. Обогащение урана и количество центрифуг

Стороны пришли к соглашению в вопросе о том, что Иран в ближайшие десять лет будет иметь шесть тысяч центрифуг, из которых пять тысяч будут постоянно действующими и производить обогащение урана для нужд энергетики, медицины, а также в научно-исследовательских целях. Одновременно с этим, в ближайшие 15 лет Иран утилизирует все свои запасы высокообогащенного урана. И сократит запасы урана низкообогащенного до 7,6 тонн, постоянно придерживаясь в своей ядерной деятельности поддержания объема на уровне этой цифры.

2. Подземный объект «Фордо»

Согласно достигнутым договоренностям, на нем на пятнадцать лет полностью прекращается любая деятельность, связанная с обогащением урана. При этом на объекте, под самым пристальным международным контролем, должны быть прекращены как вся научно-исследовательская деятельность, связанная с ядерной физикой, так и отработка связанных с этим вопросом технологий.

3. Вопрос плутония

Иран должен произвести технические мероприятия в отношении реактора на тяжелой воде, строительство которого практически завершено в Араке, полностью исключая возможность получения оружейного плутония. Кроме того, Иран берет на себя обязательство в ближайшие пятнадцать лет не строить реакторы на тяжелой воде.

4. Международный контроль

Инспекторам МАГАТЭ будет обеспечен свободный доступ на ряд ядерных объектов Ирана, а также созданы условия для непрерывного мониторинга деятельности как используемых центрифуг, так и находящихся на консервации. Кроме того, в отношении ряда объектов международные инспектора будут обладать правом внезапных проверок, с предварительным уведомлением за два часа.

5. Санкции

Резолюции Совета Безопасности ООН, вводящие санкции против Ирана, будут отменены после того, как МАГАТЭ представит доклад о выполнении Тегераном первого этапа мероприятий, связанных с вопросами обогащения, количества центрифуг, Фордо и реактора в Араке. Кроме того, после предоставления этого доклада, будут не отменены, а приостановлены односторонние санкции против Ирана, введенные США и Евросоюзом. На этом список дипломатических достижений заканчивается и начинается другой, прямо противоположный по содержанию.

Какие разногласия остаются?

1. Формы международного контроля

Иран категорически отвергает предложения об ужесточении форм контроля, внесенные западными делегациями. Так, в частности, специальным решением Маджлиса запрещены так называемые «интервью» иранских ученых-атомщиков, которые собирались проводить инспектора МАГАТЭ. Кроме того, Тегеран однозначно высказался против того, чтобы международные инспекции имели право всеобъемлющих и внезапных проверок в отношении любых объектов, которые могут, по их мнению, быть связаны с иранской ядерной программой.

2. Формы снятия санкций

Иран продолжает настаивать на том, что ряд международных и односторонних санкций должен быть отменен сразу после подписания Соглашения. США и его союзники утверждают, что до снятия одной

части санкций и приостановки другой должно пройти некоторое, достаточно значительное время, за которое «шестерка» должна убедиться в добросовестном исполнении Тегераном взятых на себя обязательств. По этому поводу Верховный лидер аятолла Али Хаменеи достаточно справедливо заметил, что предлагаемый Вашингтоном и его союзниками механизм будет занимать слишком много времени и не содержит гарантий полной отмены всех санкций. Часть этих вопросов пытается решить своим визитом в Тегеран для встречи с Хасаном Роухани и главой Высшего совета национальной безопасности Али Шамхани глава МАГАТЭ Юкио Амано.

3. Обратимость санкций (так называемый *Snapback*)

Серьезные разногласия продолжают сохраняться в отношении «обратимости» санкций, то есть их возобновления в случае неисполнения Ираном условий Соглашения. «Изыюминкой» дискуссий по этому поводу является стремление Вашингтона, Парижа и Лондона «проташить» в текст итогового документа такой механизм, который не позволил бы Москве или Пекину наложить в Совете Безопасности ООН «вето» на резолюцию о повторном введении санкций. На сегодняшний день западный блок «шестерки» измыслил хитрую процедуру, при которой Совет Безопасности ООН должен периодически (раз в полгода или раз в год) принимать специальные резолюции о том, что Иран выполняет свои обязательства и вводить санкции против него нет необходимости. Хитрость, как уже догадались читатели, заключается здесь в том, что «ветирующей стороной» при таком раскладе оказываются не Москва и Пекин, а как раз Вашингтон, Париж и Лондон.

4. Срок действия ограничений в отношении иранской ядерной программы

Западный блок «шестерки» настаивает на том, что максимальные ограничения в отношении ядерной программы должны сохраняться не менее десяти лет. В течение этого срока Тегеран должен будет регулярно предоставлять МАГАТЭ планы своей научно-исследовательской и технологической деятельности в ядерной сфере и, после их утверждения специалистами этого международного агентства, неукоснительно данных планов придерживаться. Что, кстати, также будет контролироваться. Иранское руководство охарактеризовало и «первое десятилетие» и последующее «планирование» как «чрезмерное насилие, выходящее и за рамки разумного, и за рамки требований Договора о нераспространении».

Примерно так выглядит сложившаяся к сегодняшнему дню на переговорах в Вене «карта обстановки», на которую, ко всему прочему, существенное влияние оказывают и внешние факторы.

Давление извне

Основными игроками здесь, как и следовало ожидать, является «антииранская тройца», Конгресс США, Израиль и Саудовская Аравия, а также примкнувший к ним Париж. Американская сторона на переговорах плотно привязана к дате 9 июля, поскольку если Соглашение к этому периоду подписано не будет, то его рассмотрение в Конгрессе будет продлено с 30 до 60 дней.

Естественно, Конгресс не сможет признать Соглашение недействительным, поскольку у него нет таких полномочий. «Одобрить» или же «не одобрить» — единственные варианты для голосования. Но здесь-то как раз и заключается нюанс, поскольку «не одобрить» означает, по сути, новый виток борьбы Белого дома и Капитолийского холма по иранскому вопросу. Следует заметить, что 25 июня неутомимые сенаторы иранофобы Роберт Менендес и Марк Кирк, которые стоят на страже интересов Израиля, внесли на рассмотрение коллег законопроект, предусматривающий сохранение в силе еще на 10 лет ключевых односторонних американских санкций в отношении Тегерана — по сути, продление как запрета на инвестиции в нефтегазовую отрасль Ирана, так и возможности американским властям «наказывать» те государства и фирмы, которые эти инвестиции осуществляют. В случае успеха законопроекта, вполне вероятно в случае, если Конгресс выразит неодобрение Обама, удар по международному Соглашению Ирана с «шестеркой» будет сильнее.

Несмотря на неоднократные гарантии со стороны Вашингтона о том, что Соглашение с Ираном не нанесет ущерба безопасности Израиля, Тель-Авив категорически отказывается в это верить. А потому продолжает использовать любую возможность для срыва подписания итоговых документов в Вене.

«Это соглашение превращается из плохого соглашения в худшее, и оно становится хуже с каждым днем. В сущности, это позволит Ирану не просто стать крупным игроком с одной или двумя ядерными бомбами, а получить неограниченный арсенал в течение десятилетия с возможностью создания нескольких атомных бомб заранее, нарушив соглашение о контроле, которое, в любом случае, полно дыр», — заявил 29 июня «неистовый Биби» Нетаньяху. — «В дополнение к этому, соглашение дает Ирану многие миллиарды долларов, сотни миллиардов долларов, в течение короткого времени, что позволит ему финансировать свою возрастающую агрессию, которая, прежде всего, направлена против государства Израиль, а также в других частях Ближнего Востока».

Союзники Израиля в Вашингтоне из числа «ястребов» уже откликнулись: в обнародованной «Национальной военной стратегии США-2015» Иран, наряду с Россией, Китаем и Северной Кореей, назван одним из источников угрозы Америке. «Ни одна из этих стран не стремится установить прямой военный конфликт с США или нашими союзниками. Тем не менее каждая из них вызывает определенные опасения у международного сообщества», — говорится в документе.

Новое руководство Эр-Рияда уже заявило, что если сочтет Соглашение не устраивающим, то приступит к реализации собственной ядерной программы. В чем, собственно, получило и поддержку Парижа, который уже много лет, как является клиентом Катара. Официальные представители Франции не скрывают, что если Тегеран не пойдет на серьезные уступки по целому ряду вопросов, в частности самого жесткого контроля за его ядерной программой, то французская сторона блокирует переговорный процесс.

Несмотря на неоднократные гарантии со стороны Вашингтона о том, что Соглашение с Ираном не нанесет ущерба безопасности Израиля, Тель-Авив категорически отказывается в это верить

* * *

По большому счету, вопрос о том, будет ли подписано какое-то соглашение 7-го июля, 9-го июля или позже, уже не имеет принципиального значения. При этом шансы на то, что стороны признают фиаско своих дипломатических усилий, гораздо ниже того, что некий документ все-таки будет подписан. Дело не в достигнутых договоренностях, а в том, как их намерены выполнять Вашингтон и его союзники. Ведь практически все республиканцы и часть демократов в Конгрессе, ВПК США, Израиль, Саудовская Аравия, Катар и их сателлиты никак не хотят, чтобы Иран освободился от санкций. Для них Иран без санкций — это смертельная опасность! С Россией и Китаем проблем не будет, они давно готовы подписать Соглашение по ИЯП и хотят форсировать отношения с Ираном во всех сферах, где это возможно. Одним словом, сейчас главный вопрос, к каким последствиям приведет успех или срыв переговорного процесса. Но это — тема уже совершенно другого разговора.

Евгений Шестаков

Россия или Запад поведет Иран к «венцу»?

Всего сутки отделяют мировое сообщество от события, которое по праву войдет в историю. В понедельник в венском отеле «Кобург» завершаются переговоры «шестерки» международных посредников и Тегерана по иранской ядерной программе.

Несмотря на чрезвычайную осторожность в оценке ведущихся дискуссий со стороны официальных лиц и источников в делегациях, существует высокая вероятность, что документ с пафосным названием «Совместный всеобъемлющий план действий» будет принят. Иной результат уже кажется невозможным — слишком много усилий приложили участники переговорного процесса для создания соответствующей уровню события драматургии. Тут и философские заявления западных представителей — «ничего не решено, пока все не решено», и полное трагизма выступление руководителя иранского внешнеполитического ведомства с балкона отеля «Кобург» — «мне нужно сохранять надежду» и обнадеживающее высказывание прилетевшего в Вену главы МИД Китая — «необходим рывок к финишной ленточке». Но так или иначе до 7 июля соглашение «шестерки» с Ираном должно быть подписано. Или отложено до лучших времен.

Перед саммитом БРИКС, который откроется 8 июля в Уфе, на завершающий этап венских переговоров прилетел министр иностранных дел России Сергей Лавров. Подписание документа, который по одним сведениям готов на 90 процентов, по другим на 91, а некоторые источники и вовсе называют цифру 99 процентов, ожидают до среды. Не позже. О том, что произойдет, если, по словам одного из переговорщиков, снять «чувствительные вопросы, на которые нельзя закрывать глаза» в обозначенные сроки не удастся, собравшиеся в отеле «Кобург» главы внешнеполитических ведомств публично не упоминают. Словно, такой альтернативы не существует.

Переговорный спектакль с Ираном с его многочисленными антрактами, бенефисами отдельных актеров, и отставками не слишком удачливых исполнителей, длился десять лет. Теперь он подходит к концу. В этом участники «шестерки» и Иран пытаются в Вене убедить мировое сообщество, обещая, что новых сценических актов не будет, как минимум лет 10 — на такой срок рассчитаны большинство договоренностей по иранской ядерной программе.

Но под чем собственно поставят подписи главы внешнеполитических ведомств «шестерки» и Ирана?

Те 20 страниц документа, которые разместят в открытом доступе, дадут лишь общее представление о содержании будущего договора. Тогда, как его пять приложений, останутся в «тени». Заложенные во Всеобъемлющем соглашении с Ираном ловушки и мели не обещают спокойной жизни никому из его «подписантов». Эксперты уже гадают сколько продержится новый документ после того, как его ратифицируют парламенты государств, введших санкции против Ирана, и Совет безопасности ООН. Приходят к выводу, что немного — не более трех лет: соглашение, которое считают своим внешнеполитическим успехом, одновременно президенты США и Ирана, рискует оказаться не жизнеспособным. Как часто бывало в международной практике, написанный «эзоповым языком» договор может быстро стать дипломатическим полем боя, где каждая из сторон будет апеллировать к тем параграфам, которые подтверждают ее правоту.

Но о перспективах таких грядущих баталий в Вене не рассуждают, ограничиваясь сообщениями о сиюминутных тактических успехах переговорщиков. На самом высоком уровне отмечают подозрения, что всеобъемлющее соглашение с Ираном может оказаться не таким полным, как того хотелось. Словом, стороны публично демонстрируют полнейшую «сатисфакцию», призванную убедить национальные парламенты и мировое общественное мнение, что после прохождения всех процедур ратификации вопрос об иранской ядерной программе можно считать закрытым.

Отбросим технические детали будущего соглашения — количество остающихся в распоряжении Ирана центрифуг, судьбу уже обогащенного урана и будущее действующих иранских ядерных объектов — эти вопросы давно, с учетом многочисленных нюансов, обсудили эксперты. СМИ сообщали о конкурирующих друг с другом американских лабораториях, где моделировали работу иранских ядерщиков, чтобы получить точное представление о нынешнем уровне иранской ядерной программы. На данный момент понятно другое — соглашение между «шестеркой» и Тегераном будет заключено, поскольку президенты США и Ирана, хотя по разным причинам, заинтересованы в «ядерной сделке» именно сейчас. Так что драматизм нынешнего венского раунда переговоров носит напускной характер и сводится к поиску формулировок, которые позволят американскому и иранскому лидерам поубедительней рассказать о своем внешнеполитическом успехе.

Такая задача, и это никто не скрывает, может оказаться для обоих руководителей непосильной. Барак Обама торопит переговорщиков: если он опоздает с внесением договора с Ираном на утверждение Конгресса, законодатели уйдут на каникулы и процесс ратификации застопорится надолго. К тому же на Капитолийском холме преобладают республиканцы, которые считают готовящийся договор между «шестеркой» и Ираном личным проектом президента-демократа. Отчасти, как считают аналитики, это правда — Обама остро необходим внешнеполитический успех, который сделал бы его правление историческим. Пока же в этом плане американскому лидеру похвастаться нечем. Но судя по заявлениям конгрессменов-республиканцев, они не намерены давать Обама шанс попиарить себя и свою партию в условиях начавшейся в США борьбы за Белый дом. А потому в вопросе о снятии с Ирана санкций, который является ключевым в новом соглашении, будут стоять насмерть, требуя больших гарантий прозрачности иранской ядерной программы.

Не меньшие трудности, в случае успешного подписания соглашения с «шестеркой», ждут иранского президента Хасана Роухани. Если подписанный им договор на родине сочтут предательством национальных интересов, его ждет как минимум отставка. Тогда как немедленное снятие санкций с Тегерана, на чем настаивают иранские переговорщики, при сохранении основных параметров иранской ядерной программы и возможностей для дальнейшей «игры» с международным сообществом, напротив, укрепят его позиции. Сумеет ли Роухани преодолеть сопротивление радикального духовенства и тех кругов, где заинтересованы в сохранении санкций и процветании теневых схем торговли, остается не ясным: ведь будущий договор восстанавливает диалог Ирана с Западом в экономической сфере. «Мы приветствуем присутствие американских нефтяных компаний в Иране» — до такой перспективы договорился в интервью местной прессе министр нефти Ирана Бижан Нагдар Зангане. Европейские переговорщики в «шестерке» рассчитывают на дешевую иранскую нефть и участие своего национального бизнеса в других энергетических проектах. Недавно стало известно, что ряд крупных компаний Старого света, не дожидаясь снятия санкций, провели в Тегеране переговоры о возможном сотрудничестве. По неофициальным данным иранцы, которые хотят мощно вернуться на нефтяной и газовый рынок, предлагают инвесторам более выгодные, чем существовали прежде, до введения санкций, условия. В Тегеране уже объявили, что рассчитывают через пару лет добывать 5 миллионов баррелей в день против нынешнего миллиона баррелей.

Так что же оставалось по состоянию на понедельник «в скобках» при подготовке договора с Ираном? Тут надо дать пояснение: в еще не утвержденном тексте соглашения в скобки переговорщики размещали спорные пункты с указанием точек зрения сторон, по которым не удалось прийти к согласию. Среди таких вопросов — снятие оружейного эмбарго, на чем, в качестве одной из первоочередных мер, настаивает Россия. По понятным причинам против выступают входящие в «шестерку» страны Запада, заинтересованные, прежде всего, в доступе к иранским энергоносителям. Не все решено с доступом МАГАТЭ на иранские объекты и получением информации о прошлом иранской ядерной программы.

Никто из участников переговорного процесса в Вене не желает становиться причиной срыва исторического соглашения с Тегераном. Но никто не желает «остаться с носом» при подготовке всеобъемлющего плана действий в отношении Ирана, обладающего значительной экономической составляющей. И какая из стран «шестерки» после заключения нового договора в итоге поведет Тегеран «под венец», решается в понедельник на пленарном заседании министров иностранных дел «шестерки» в Вене.

Между тем

Переговоры «шестерки» международных посредников с Ираном в Вене, в Европе называют иначе: переговорами в формате «три плюс три». Такое обозначение не случайно. Первая «тройка» означает участие в дискуссиях трех стран, входящих в Европейский союз — Британии, Германии и Франции. Вторая — три страны, не имеющих отношения к ЕС (США, Россия, Китай). При обсуждении иранской ядерной программы в Европе отказываются видеть единую «шестерку» и делят переговорщиков на «своих» и «чужих».

Ксения Мельникова

После санкций. Что сулит России снятие торговых ограничений с Ирана

Во вторник, 7 июля, наступает дедлайн для достижения политического соглашения по иранской ядерной проблеме. В случае если Тегерану и «шестерке» международных посредников (Россия, США, Франция, Китай, Великобритания и Германия) удастся согласовать все технические нюансы, в переговорном процессе, продолжавшемся без малого двенадцать лет, будет поставлена точка. В результате западные страны получат гарантии того, что иранская ядерная программа носит сугубо мирный характер, а Тегеран освободится от санкционного режима. «Лента.ру» постаралась разобраться в том, чем обернется для России снятие с Исламской Республики торговых ограничений.

Взаимовыгодное решение

Иран всегда настаивал на том, что его ядерная программа носит исключительно мирный характер, а раз так — он имеет полное право заниматься ее развитием. Однако после того как в 2003 году инспекторы МАГАТЭ обнаружили на сделанный завод в Натанзе и тяжеловодный реактор в Араке), возникли сомнения в искренности заверений Тегерана. В итоге Соединенные Штаты обвинили Исламскую Республику в том, что под видом изучения мирного атома она тайно работает над созданием атомной бомбы. Рассекречивать и уж тем более сворачивать свою ядерную программу Тегеран отказывался. Дополнительный накал диалогу добавило избрание президентом Ирана Махмуда Ахмадинежада — политика резкого и не склонного к компромиссам. Неуступчивость Исламской Республики привела к тому, что начиная с 2006 года Совбез ООН ввел против нее четыре пакета санкций. Торговые ограничения были введены также Евросоюзом и США. Это нанесло заметный ущерб иранской экономике и привело к обесцениванию риала. Неудивительно, что при обсуждении условий сделки, которая поставила бы точку в растянувшихся на десятилетие переговорах, иранские представители настаивали на незамедлительном снятии санкций с их страны. Американским же переговорщикам важно добиться такого соглашения, которое бы показывало, что они ни в чем не уступили иранцам.

В интервью иранскому телеканалу IRIB заместитель министра иностранных дел страны Аббас Арагчи (Abbas Araqchi) заявил, что все ограничения будут сняты с Тегерана в один день. Как сообщает газета «Коммерсант» со ссылкой на источники, близкие к переговорам, возможный механизм снятия санкций выглядит так: в день заключения соглашения введут так называемый режим снятия санкций Совбеза ООН. Его необходимо будет постоянно продлевать. Таким образом, если кто-то из членов СБ усомнится в том, что Иран соблюдает все необходимые договоренности, торговые ограничения могут быть введены вновь. Это может удовлетворить как Тегеран, так и «шестерку». Представители иранской делегации вернутся домой, сумев добиться отмены санкций, заметно расшатавших экономику страны, а в руках у международных посредников окажется механизм давления на Тегеран.

Перспективы для России

России снятие торговых ограничений с Ирана сулит одновременно и выгоды, и риски. Так, например, отмена санкций означает, что Москве будет гораздо проще реализовывать в Исламской Республике крупные проекты, такие как АЭС «Бушер-2», а также развивать сотрудничество в военно-технической сфере, рассказал «Ленте.ру» научный сотрудник программы «Проблемы нераспространения» Московского центра Карнеги Петр Топычканов: «Россия и Иран продолжат курс, которого они придерживались еще во время санкций. В ноябре 2014 года Россия и Иран подписали амбициозное соглашение о сотрудничестве в атомной энергетике, в котором речь пойдет о строительстве дополнительных ядерных реакторов, обучении специалистов, оказании технической взаимопомощи. Еще до снятия санкций президент России Владимир Путин принял решение об отправке в Тегеран С-300».

В планы военно-технического сотрудничества двух стран входит ремонт и модернизация техники, которую Тегеран купил у Москвы (самолеты «Миг-29», три подводные лодки). Российско-иранская программа взаимодействия до 2025 года также предусматривает сотрудничество на Каспии в области рыбного хозяйства, в космической сфере, сельском хозяйстве и телекоммуникациях, а также в финансах и машиностроении. По некоторым оценкам, стоимость потенциальных контрактов между Тегераном и Москвой составит от 20 до 70 миллиардов долларов.

Однако степень сближения двух стран переоценивать не стоит, считает директор Центра анализа стратегий и технологий Руслан Пухов. «С Ираном у нас сложный комплекс отношений, — напомнил эксперт. — Мы дважды сильно подвели Тегеран. В 1996 году Россия под давлением США приняла решение к 1999 году выполнить все контракты, заключенные с Ираном, и новых после этого не подписывать. Это сильно обидело иранцев, так как

Отмена санкций означает, что Москве будет гораздо проще реализовывать в Исламской Республике крупные проекты, такие как АЭС «Бушер-2», а также развивать сотрудничество в военно-технической сфере

они рассчитывали на Москву в плане вооружения, к тому же в отличие от ряда других стран они платили свободно конвертируемой валютой. Когда к власти пришел президент Путин, было решено налаживать отношения с Исламской Республикой. В итоге в 2007 году мы подписали договор о поставке систем ПВО С-300. Через три года президент Дмитрий Медведев отказался исполнять этот контракт. И это при том что С-300 — это оборонительное оружие, и эмбарго на него не распространялось».

Сумма сделки составляла 800 миллионов долларов, причем 167 миллионов из этой суммы уже были переведены России. Хотя Москва вернула аванс, Тегеран обратился в Международный коммерческий арбитражный суд в Женеве, потребовав компенсации в размере четырех миллиардов долларов. В середине апреля этого года Москва заявила о готовности вновь торговать с Тегераном. В настоящее время стороны обсуждают цену, а также то, что конкретно Россия будет поставлять Ирану, рассказал Пухов. «Дело в том, что система С-300 снята с производства, а С-400 нужна нам для собственных вооруженных сил. К тому же первый экспортный заказчик на С-400 — это Китай, который уже заплатил и должен получить ее в 2016 году. Как утверждают СМИ, Тегерану предлагается система Антей-2500 или С-300 В, но судьба этих переговоров неизвестна. Из-за этих двух эпизодов в 1996-м и 2010 году мы понесли серьезные имиджевые потери не только в Иране, но и на мировом рынке вооружения, поэтому иранцы будут относиться к нам с большим недоверием», — объясняет эксперт.

При этом, по его словам, даже если бы не этот момент, России все равно не стоило бы ждать резкого роста продаж вооружений Ирану после отмены санкций. Дело в том, что сейчас у Тегерана просто нет на это денег, а когда они появятся — не исключено, что его заинтересуют не российские, а китайские или сингапурские предложения.

На международной арене

После урегулирования ядерной проблемы Иран сможет активнее вести себя на международной арене. Не исключено, что он захочет вступить в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). В апреле этого года глава МИД России Сергей Лавров оценил шансы Тегерана на присоединение к этому клубу как «хорошие». А генсек ШОС Дмитрий Мезенцев сказал, что «если Иран вступит в организацию, это будет работать на повышение ее авторитета, расширение масштабов многостороннего сотрудничества и влияния ШОС на участие в вопросах международной повестки дня».

Правда, по мнению Петра Топычанова, вероятность присоединения Тегерана к организации в ближайшее время очень мала. «Пока речь идет только о вступлении в ШОС Индии и Пакистана. Процесс привлечения Ирана еще не был начат. Насколько он затянется — неизвестно», — полагает политолог. Согласен с этой точкой зрения и другой эксперт — старший научный сотрудник Института международных исследований МГИМО Леонид Гусев: «Тегеран давно стремится в ШОС, в 2005 году Иран стал страной-наблюдателем. Россия, Китай и Казахстан очень настороженно относятся к вступлению Ирана в эту международную организацию. Я думаю, что страны ШОС несколько лет подождут, посмотрят, что дальше будет с Ираном».

Здоровая конкуренция

После отмены санкций Исламская Республика может стать не столько близким партнером, сколько конкурентом России: Иран с его богатейшими запасами нефти и газа будет бороться с ней за долю рынка углеводородов.

Впрочем, не стоит преувеличивать степень исходящей от Исламской Республики угрозы для позиций России на этом рынке. Для того чтобы нарастить экспорт нефти и газа, Ирану необходимо модернизировать свою инфраструктуру, а это требует колоссальных затрат — по некоторым подсчетам, от 300 до 450 миллиардов долларов. После отмены санкций в Иран вернуться международные корпорации, которые принесут необходимые инвестиции, но в любом случае на обновление инфраструктуры уйдут годы. Это даст России время подготовиться к грядущим изменениям.

Василий Иваненко

БРИКС и ШОС — на смену ПАСЕ и ОБСЕ

В Уфе открылись исторические саммиты сразу двух организаций, призванных стать каркасом нарождающегося «евразийского» миропорядка — БРИКС и ШОС, причем впервые они проходят в одном месте. В обеих структурах присутствует «доминирующая связка» Россия-Китай, и в ходе этих форумов наша страна попытается сделать все возможное, чтобы привлечь как можно больше инвестиций в свои инфраструктурные проекты, максимально укрепить экономические взаимоотношения с партнерами, а также заручиться их политической поддержкой — на случай дальнейшего обострения противостояния с Западом.

По-настоящему исторические события, в корне меняющие окружающую нас реальность, часто происходят вполне буднично и даже неприметно. Пока мировые СМИ всю трубят о выходе Греции из еврозоны или «ядерной сделке» Запада с Ираном, в Уфе намечается вроде бы вполне протокольное событие — на взгляд рядового обывателя.

Однако многие эксперты свидетельствуют: именно в башкирской столице намечается одно из ключевых событий 2015 года в глобальной политике, по сравнению с которым меркнут и падение мировых цен на нефть, и даже паника на китайских биржах. По сути, уфимские саммиты БРИКС и ШОС обещают не просто проектирование, а реальный выход на геополитическую орбиту нового — «евразийского» — проекта глобализации, призванного прийти на смену «однополярному миру». Поэтому стартовавшие в столице Башкирии саммиты вполне могут надолго «отпечататься» в истории XXI века.

Уфа готовилась к приему этих двух саммитов в течение последних двух лет. Оба форума пройдут в уфимском Конгресс-холле, который, будучи построен всего восемь лет назад, подвергся серьезной реконструкции. Не менее масштабный «апгрейд» провели и в самом городе — во всей Уфе почистили фасады домов, разбили скверы и бульвары, отремонтировали дворы и дороги.

И всего за два года построили целых семь новых гостиниц такого класса, как Hilton, Holiday Inn и Sheraton.

На повестке дня саммитов БРИКС и ШОС — важнейшие внешнеполитические и экономические задачи. Первым стартует саммит БРИКС, в рамках которого лидеры «восходящей пятерки» сначала сосредоточатся на ситу-

ации в мировой экономике и повышении эффективности общей работы в рамках «большой двадцатки». Затем на закрытом рабочем ланче Владимир Путин, Дилма Русефф, Си Цзиньпин, Нарендра Моди и Джейкоб Зума обсудят ключевые международные вопросы — прежде всего, пути разрешения кризисов на Украине и в Греции, а также способы борьбы с экспансией «Исламского Государства».

Затем, уже вместе с премьерами и членами правительств, лидеры обговорят параметры «дорожной карты» инвестиционного сотрудничества. По итогам основных заседаний БРИКС планируется принять Уфимскую декларацию, в которой они дадут оценку мировой политической и экономической ситуации. Наконец, лидеры утвердят еще один документ — «Уфимский план действий», где будет по пунктам расписана совместная работа на год вперед, а также подпишут Стратегию экономического партнерства до 2020 года.

Программа Владимира Путина в башкирской столице будет чрезвычайно насыщенной — в конце концов, не так уж часто такое количество высоких гостей из Средней и Юго-Восточной Азии, а также Среднего и Ближнего Востока вместе приезжают в Россию. Так что, помимо обязательного участия во всех мероприятиях саммитов БРИКС и ШОС, президент РФ проведет за три дня 11 двусторонних встреч с лидерами стран и одну трехстороннюю. Его рабочий день будет начинаться ранним утром, а заканчиваться далеко за полночь.

Президент РФ прекрасно понимает: эти саммиты — отличный шанс для России экономически привязать к себе едва ли не полмира и заручиться его поддержкой. Ведь все страны БРИКС в совокупности занимают треть земной суши, в них проживает чуть меньше половины населения Земли, а на долю стран-членов БРИКС приходится около трети мирового ВВП. Поэтому главной задачей Владимира Путина на форуме станет заключение финальной договоренности с коллегами о запуске двух структур, в самом скором будущем способных дать «развивающемуся миру» финансовую и инвестиционную независимость от стран «золотого миллиарда».

— Группа БРИКС еще до начала украинского кризиса стала выстраивать свою финансовую систему, призванную стать альтернативой доллару, — говорит политолог Александр Куприянов. — На саммите в Уфе лидеры организации презентуют новые «параллельные» финансовые институты — Банк развития БРИКС (он призван стать дублером Всемирного банка) и Пула валютных резервов БРИКС (будущий дублер МВФ). Их совокупный капитал составит 200 миллиардов долларов — это не так уж много на фоне финансовых возможностей Запада. Но стратегия БРИКС состоит в другом: Россия, Китай, Индия и их партнеры хотят делом принудить США и Евросоюз провести реформу МВФ, и повесить свои квоты в этом важном органе. Если Вашингтон пойдет на это, то переход к многополярному миру пройдет относительно безболезненно. Если же США не станут делиться своей глобальной властью, то у БРИКС уже будет фундамент собственной финансовой системы.

Кроме того, саммит обещает стать «соревнованием инфраструктурных проектов», каждый из которых призван дать толчок экономикам сразу нескольких стран-членов группы. По словам главы Делового совета БРИКС Сергея Катырина, Россия представит на саммите целых 37(!) таких проектов. И, кроме того, наша страна готова всемерно участвовать в проектах партнеров, используя собственный опыт и технологии.

— Так, ЮАР лоббирует сеть проектов по добыче на своей территории полезных ископаемых, и там уже работают спецы из Китая — они привезли на юг Африки свои технологии и рабочую силу. Но ЮАР самой нужны классные инженеры, и Россия готова помочь в их обучении. Кроме того, благодаря участию в общем проекте наша страна может получить ценное сырье и редкоземельные металлы. Так что выгода получается общей, — говорит Катырин.

Похожая картина складывается и во взаимоотношениях РФ с другими партнерами по БРИКС. Например, Бразилия заинтересована в возведении у себя целого каскада гидроэлектростанций — и российские компании готовы его построить, предоставить турбины, прочее оборудование и обучить персонал. Кроме того, в Бразилии до сих пор нет единой сети железных дорог, она планирует вскоре соединить ими юг и север страны, и здесь бразильцам готова помочь ОАО «РЖД». А у «Ростехнологий» есть проекты по совместному строительству вертолетов и мобильных морских портов, которые можно развернуть в любой местности за несколько месяцев. Участие в любом из этих проектов обещает России сотни миллионов долларов, а партнерам — быстрое развитие.

Индия, в свою очередь, заинтересована в создании новых крупных агрохолдингов. Индусов также очень интересует создание с Россией совместных предприятий по производству продуктов питания, в первую очередь — мясных. Не менее необходимы им очистные сооружения и новейшие технологии добычи воды. Что касается нашего взаимодействия с Китаем, то здесь Россия намерена реализовать проект высокоскоростной магистрали от Москвы на восток, а также несколько крупнейших проектов газопроводов, некоторые из которых уже начали строиться. И здесь наша задача — «вписаться» в китайский проект «Нового Шелкового пути» в той части, где он пойдет по нашей территории. Китайцев, в свою очередь, интересуют проекты в авиационной и освоении космоса, а также в области здравоохранения и экологии. Одним словом, потенциально у России и ее партнеров по БРИКС — широчайшее поле для взаимодействия. Главное — как можно быстрее договориться о реализации этого потенциала и начать действовать.

Если же говорить более глобально, о создании странами БРИКС и ШОС нового проекта мироустройства, то здесь есть несколько аспектов. Во-первых, главный смысл «евразийского» проекта глобализации — в его демократичности, терпимости, неприятию любой формы монополизма и диктата с одной из сторон. По сути, страны БРИКС объединены восприятием миропорядка как коллективного творчества.

— Все державы-члены БРИКС и ШОС видят мир многополярным, где действуют принципы коллективного лидерства и взаимоуважения, — говорит директор Института национальной стратегии Михаил Ремизов. — В экономическом же плане они думают о том, как на обломках «долларовой пирамиды» создать несколько региональных экономических зон со своими валютами. А в культурной сфере они придерживаются «философии цветущей сложности», признавая за каждым народом и цивилизацией право на собственную модель развития и систему ценностей.

Вторая особенность «евразийского» проекта глобализации — в его нацеленности на постепенное преобразование текущего миропорядка, а не на его

революционный слом. Причем цель БРИКС и ШОС — не в противостоянии с Западом, а в «мягком принуждении» США и ЕС к совместному выстраиванию более справедливого и гармоничного миропорядка. Третья особенность будущего миропорядка в том, что в его основу положена новая политическая философия, создание системы «коллективного лидерства». В ней Китай, как «мировая фабрика XXI века», возьмет на себя роль экономического лидера, а Россия — роль политического, идеологического и военного модератора. Также среди целей БРИКС и ШОС — создание единого геополитического пространства в рамках «большой Евразии» и замораживание самых острых конфликтов на ее территории — за счет включения в ШОС стран, долгое время ссорящихся с соседями.

Кстати, всего на саммите ШОС, который начнется сразу после окончания встречи лидеров БРИКС, в пятницу, планируется принять сразу 14 решений. Главные события форума — утверждение общей Стратегии развития до 2025 года, выборы генсека организации и директора регионального Антитеррористического совета. Ключевым же вопросом саммита ШОС станет прием в ряды организации (сейчас в нее входят Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан, Киргизия и Узбекистан) сразу двух крупных стран — Индии и Пакистана, что само по себе беспрецедентно.

Ведь совокупно в этих двух государствах проживает почти полтора миллиарда человек, и до последнего времени между Дели и Исламабадом тлеет острый конфликт — обе страны претендовали на штат Джамму и Кашмир (он входит в состав Индии, но населен в основном мусульманами). И хотя две державы до сих пор не подписали мирный договор, сама по себе перспектива вхождения в ШОС сильно понизила накал страстей между ними.

— Скорее всего, в Уфе Индия и Пакистан получают «добро» на вступление в ряды ШОС, так что их скорое сближение весьма вероятно. Кроме того, сегодня многие страны хотят развивать сотрудничество с Индией, но при этом оно не предполагает противостояния странам-тяжеловесам — России и Китаю. Пекин сейчас энергично расширяет свои позиции в Средней Азии, и Индия в будущем может составить ему серьезную конкуренцию. Но здоровая конкуренция — практически неизбежная черта экономики. Каждая страна борется за свои позиции в торговле, и Россия также планирует усилить влияние на развивающихся рынках Средней Азии. Воспользоваться чужим опытом успеха, перенять методы, формы продвижения — разумно для каждой страны, — считает эксперт ИМЭМО РАН Елена Брагина.

Еще одна страна, претендующая на членство в ШОС — это Иран, причем в Тегеране говорят о желании вступить в организацию довольно давно.

— Увы, до последнего времени принять его в ШОС мешали международные санкции, наложенные ООН в связи с развитием иранской ядерной программы. Но в связи с тем, что переговоры с снятии санкций между Ираном и Западом вошли в финальную стадию, вскоре дверь в ШОС перед Ираном может оказаться открытой, — говорит вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ Георгий Петров.

Одним словом, два «протокольных» саммита в Уфе на деле способны весьма серьезно изменить будущую картину мира, и самое главное — однозначно в лучшую сторону.

Евгений Шестаков

Всеобъемлющий договор с Ираном в ядерной сфере полностью согласован

До заключения всеобъемлющего соглашения между «шестеркой» международных посредников и Ираном остаются считанные часы. Множество косвенных признаков указывает на то, что документ полностью готов. И теперь участникам переговорного процесса в Вене остается обсудить лишь один процедурный вопрос — когда договор с его пятью приложениями будет представлен широкой публике.

«Непреодолимых проблем не осталось, если только кто-то из участников, а это точно не будет Россия, не попытается выудить что-то из переговорного процесса в условиях цейтнота», — прокомментировал текущую ситуацию министр иностранных дел Сергей Лавров. О попытках некоторых стран «ловить рыбку в мутной воде» глава МИД РФ упомянул неслучайно: из-за такой недальновидной политики одного из участвовавших в переговорах государств не состоялась намеченная на 7 июля церемония в австрийском представительстве ООН. Она была призвана поставить точку в ядерной сделке «шестерки» с Ираном, но в последний момент была отменена. В итоге после двух дней дискуссий главы внешнеполитических ведомств разъехались, так и не сумев прийти к компромиссу. Поэтому, говоря в четверг о своем возвращении в Вену, Лавров был осторожен: «Министерская встреча «шестерки» и Ирана может состояться в любое время. Надеюсь только, что это будет действительно уже окончательная встреча, на которой можно будет какие-то отдельные нюансы досогласовать».

Собственно, срыв предыдущих сроков «сдачи» соглашения с Ираном и стал причиной возникшего в Вене процедурного — точнее, дипломатического — вопроса. Дело в том, что два участника «шестерки» — министры иностранных дел России и Китая находятся на саммитах БРИКС и ШОС в Уфе. В то время, как европейские и американские главы внешнеполитических ведомств уже прилетели в Вену.

По мнению высокопоставленного источника в иранской делегации, соглашение Тегерана с «шестеркой» должно быть представлено в присутствии всех без исключения руководителей МИД, в том числе Сергея Лаврова.

«Для нас было бы правильным, чтобы господин Лавров был здесь на представлении соглашения», — цитирует РИА Новости неназванного иранского дипломата.

В свою очередь, внутривнутриполитическая ситуация заставляет Белый дом спешить с представлением иранской сделки в Конгресс. Это должно быть сделано до вечера 10 августа по европейскому времени. В противном случае американские законодатели смогут рассмотреть документ только после завершения каникул. Придуманной командой Обамы ход заключается в том, чтобы заставить контролируемый республиканцами Конгресс обсудить договор с Ираном до начала каникул: в этом случае у сенаторов окажется не два, а только один месяц на то, чтобы разобрать «по косточкам» новое соглашение.

Не исключено, что переговорщики в Вене пойдут на хитрость. Текст соглашения, как сообщают источники в делегациях, предоставят журналистам в ночь с четверга на пятницу в качестве уже согласованного «шестеркой» документа. Тогда как его официальная презентация пройдет позднее — в воскресенье или понедельник, когда в Вену прилетят из Уфы российский и китайский министры иностранных дел. Однако официальной датой завершения работы над ядерной сделкой с Ираном будет считаться четверг.

Такой процедурный прием выглядит логичным: как ранее сообщал источник в российской делегации, Москва давно согласовала с Ираном экономические вопросы, которые ее интересовали в готовящемся соглашении. Развитием научно-исследовательского центра на базе ядерного объекта в иранском Фордо займется российская сторона. Есть ряд предварительных договоренностей с Тегераном по обогащенному урану. Всего же, по некоторым данным, общий объем намеченных к реализации совместных с Ираном проектов достигает 70 миллиардов долларов. «Российские кампании достаточно опытны, чтобы не опасаться снятия с Ирана санкций — и даже могут иметь преимущества на иранском рынке», — прокомментировал на пресс-конференции в Уфе ситуацию Сергей Лавров.

Ожидается, что на полях саммита БРИКС президент России Владимир Путин проведет встречу с иранским коллегой Хасаном Роухани. По словам помощника главы государства Юрия Ушакова, на ней будет обсуждаться иранская ядерная программа, вопросы противодействия терроризму и сотрудничество в торгово-экономической и военно-технических отраслях.

Одной из проблем, мешавших заключению всеобъемлющего плана действий с Ираном, было желание западных членов «шестерки» сохранить в отношении Тегерана оружейное эмбарго. Против этих планов последовательно выступала Россия. Как объяснил Лавров, «снятие эмбарго позволит Ирану повысить обороноспособность в борьбе с терроризмом».

На переговорах в Вене министр иностранных дел Ирана Джавад Зариф соглашался на сохранение эмбарго только на 6 месяцев, тогда как его западные оппоненты настаивали на эмбарго от 2 до 8 лет. Окончательный

Всего же, по некоторым данным, общий объем намеченных к реализации совместных с Ираном проектов достигает 70 миллиардов долларов

срок, в течение которого будет действовать запрет на поставки Ирану оружия, пока не был озвучен. Источники утверждают, что обсуждается цифра 5–8 лет. Но Тегеран сможет сохранить лицо. Для поставок в Иран военного снаряжения создадут совместную комиссию с участием стран, входящих в «шестерку», представителя Евросоюза и Ирана. Члены комиссии будут утверждать разрешенный для поставок Тегерану перечень вооружений.

В четверг информагентства сообщили, что президент США Барак Обама в режиме видеоконференции пообщался с членами американской делегации на переговорах в Вене. Он поручил им заключить с Ираном такое соглашение, которое «отвечало бы американским требованиям».

В свою очередь, глава МИД Ирана Джавад Зариф в опубликованной Financial Times статье выразил надежду, что после принятия соглашения по атому, международное сообщество перенаправит силы на борьбу с военными конфликтами на Ближнем Востоке, как это уже делает Тегеран. Добавлю, что в четверг пришло сообщение о выделении иранскими властями нового кредита в миллиард долларов Сирии, ведущей войну с террористами «Исламского государства».

Ирина Джорбенадзе

Иранский гамбит

Создается впечатление, что Россия и Китай напрасно заманивали Иран в свою зону влияния. Он сам просится в «сети» ШОС — и наверняка угодит в них, когда санкции против него ослабнут. Но если амбиции Москвы и Китая заполучить Иран понятны, хоть и противоречивы, то какая выгода Тегерану находиться в одной упряжке с двумя этими державами?

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), членами которой являются Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан, Киргизия и Узбекистан, расширяется за счет участия в ней Индии и Пакистана. Иран тоже подал заявку на членство в организации. Как сообщил помощник президента России Юрий Ушаков, заявка рассматривается, однако ШОС вернется к ней после того, как с Ирана, по завершении переговоров по его ядерной программе, будут сняты санкции Совета безопасности ООН. «Тогда, на наш взгляд, будут открыты все возможности, чтобы Иран тоже активно подключить к нашему сотрудничеству», — цитирует помощника российского президента РИА Новости.

Таким образом, членство Ирана в ШОС является лишь делом времени. Правда, насколько это время растянется, неизвестно, поскольку Иран и «шестерка» никак не могут придти к окончательному решению по иранскому атому. Напомним, в качестве дедлайна соглашения по иранской ядерной программе называлось 30 июня. Но — не случилось.

Строго говоря, ШОС давно уже могла принять Иран в свои ряды, не оглядываясь на санкции. В конце концов, Россия, приложившая руку к введению санкций против Ирана, сама попала под санкции Запада, и объяснения затягивания вступления Ирана выглядят несколько лицемерно. Тем более, что другой «тяжеловес» Шанхайской организации — Китай, вне зависимости от санкций и не в пример России, довольно глубоко укоренился на иранском рынке.

Напомним, что обещание России продать Ирану зенитно-ракетные комплексы С-300 не выполнено до сих пор. При этом Россия активизировала сотрудничество с враждебной Ирану Саудовской Аравией, подогрев недовольства Тегерана Москвой. По мнению некоторых экспертов, Эр-Рияд затеял «дружбу» с Москвой с тем, чтобы через нее влиять на Тегеран. В перспективе экспертами обсуждается нереальное с позиций сегодняшнего дня создание треугольника Москва — Эр-Рияд — Тегеран, который серьезно может изменить ситуацию на Ближнем Востоке и в арабском мире.

Пока же создается впечатление, что, не впуская Иран в ШОС, эта организация и, в частности, Россия, играют на руку Вашингтону, не желающему членства ИРИ в блоке, стратегически и идеологически чуждому Америке, перетасовывающей азиатскую и ближневосточную колоды по собственному вкусу. Фактически получается так, что ШОС, выдвигая условия Ирану, разрушает идею многополярного мира, за которую борются не только Москва и Пекин, но и Тегеран.

Но пока Россия, в контексте вступления Ирана в ШОС, уважительно оглядывается на западные санкции и, в то же время, желает поймать ИРИ в «сети» Шанхайской организации, ситуация в мире стремительно меняется. И измениться она способна настолько, что Запад попросту может перехватить Иран у ШОС — и политически, и инвестиционно. Конечно, и в этом случае Иран сохранит свое, мягко говоря, скептическое отношение к США. Но и к России — тоже.

У России, Китая и Ирана множество общих интересов, включая самый главный — формирование региональной системы безопасности

Между тем совершенно очевидно, что у России, Китая и Ирана множество общих интересов, включая самый главный — формирование региональной системы безопасности. ШОС, вне всякого сомнения, отдает себе отчет и в том, что без такого весомого политического игрока, как Иран, затруднится реализация множества проектов, касающихся, в том числе, энергетики, борьбы с международным терроризмом, наркотрафиком, экстремизмом, и т. д.

Кроме того, Иран не исключает своего присоединения к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), и в случае вступления он станет надеж-

ным «донором» этой организации. Пример тому — инвестиционная активность Ирана в Таджикистане, его экономические связи с Белоруссией и Россией. И если Иран вступит и в ШОС, и в ЕАЭС, это будет однозначно свидетельствовать о его стратегическом партнерстве с государствами обоих блоков и приверженности принципам евразийства и многополярного мира.

С другой стороны, вступление Ирана в ШОС может понизить влияние в регионе и России, и Запада. Такое положение может устроить Китай, политические акции которого автоматически поползут вверх. Следует, однако, оценить, что важнее — амбиции России и Китая в ШОС, или то, что со вступлением Ирана в эту организацию она станет самым мощным евразийским объединением, проводящим собственную независимую политику, включая и финансовую.

Но почему сам Иран так стремится вступить в Шанхайскую организацию? Вероятно, в первую очередь он руководствуется соображениями защиты от военной интервенции со стороны кого бы то ни было. И хотя ШОС не является военно-политической структурой, одним из основных направлений ее деятельности провозглашено обеспечение безопасности государств-членов организации, борьба с терроризмом, наркотрафиком, и т. д. Иран, конечно, не прочь примкнуть к созданию новой архитектуры безопасности. В Ташкенте, напомним, создана Региональная антитеррористическая структура ШОС. Шанхайская организация также подписала соглашение

с ОДКБ по вопросам безопасности, так что компонента круговой военной поруки в организации, так или иначе, намечена. Вообще же бытует мнение, что планы ШОС по расширению являются ответом Москвы и Пекина на усиление НАТО. Было бы нелогично, если бы Тегеран не примкнул к такому «ответу».

Еще одной причиной привлекательности ШОС для Ирана является его выход на огромный торгово-экономический и финансовый рынок с зонами преференциальной торговли.

Словом, от вступления Ирана в ШОС выигрывают и сама эта организация, и Иран, поскольку все фигуранты имеют практически одинаковые взгляды на региональное и мировое устройство — это неприятие однополярного мира и вмешательство внерегиональных держав в дела региона. Кроме того, членство Ирана в ШОС означало бы привнесение в эту организацию влияния, которое Тегеран имеет на Ближнем Востоке и в исламском мире.

Так что, надо полагать, членство Ирана в ШОС не за горами, тем более, если состоится его договоренность с «шестеркой» по ядерной программе. Но с другой стороны, Запад может продолжать ставить Тегерану все новые невыполнимые условия с тем, чтобы изолировать его от полноправного участия в таком масштабном и вряд ли дружественном ему евразийском проекте, как ШОС. Интересно, как в таком случае поступят члены Совбеза ООН — Россия и Китай?

Иран и ШОС: итоги уфимского саммита без иллюзий

ШОС набирает темп, избавляется от балласта и декларации, становится более динамичной структурой. Но, все же нет пока конкретики в решениях и не разработаны механизмы оперативного и эффективного реагирования на современные вызовы и угрозы. Более того, итоги завершившегося на днях мероприятия всерьез заставляют задуматься об опасности превращения этой организации в очередной «клуб по интересам», не способный и не желающий проводить в регионе эффективную самостоятельную политику. И в вопросе членства Ирана в ШОС на уфимском саммите также прорыва не произошло.

Погоня устроителей саммита ШОС в Уфе «за двумя зайцами» — запустить процесс расширения и, вместе с тем, подчеркнуть, что это никоим образом не угрожает интересам США и их союзников в регионе, — сыграла с ними злую шутку. Закрепленные и в итоговой декларации, и в Стратегии развития до 2025 года заявления о том, что ШОС «утвердилась в качестве одного из влиятельных участников современной системы международных отношений», а, следовательно, возникают предпосылки для ее перехода на качественно новый уровень, больше похожи на самоуспокоение.

Шанхайская организация действительно перешла к переломному моменту своего развития. Но варианты ее дальнейшей судьбы не блещут разнообразием — либо государства-участники включаются в реализацию китайской концепции «экономического пространства Новый Шелковый путь» (в его сухопутном варианте), либо она стремительно повторяет судьбу «большой семерки» — тусовка на высшем уровне, переговорная площадка, состоять в которой статусно, но не для решения конкретных вопросов, исходящих из национальных интересов стран-участников. И спешно протаскиваемое после запуска процесса присоединения к ШОС Индии и Пакистана в медиа маркетинговое название «большая восьмерка» должно скорее настаивать, чем радовать, поскольку сопряженно с огромными рисками для самой ШОС.

Сложившаяся перед началом саммита международная обстановка ставила перед всеми государствами-участниками вполне конкретные вопросы: во-первых, поиск путей совмещения интересов каждой страны с предложенной Пекином концепцией «Нового Шелкового пути». Во-вторых, привлечение Ирана к более активному участию в работе этой Организации. В-третьих, выработка механизма, при котором давний конфликт между начавшими процесс присоединения к Организации Индией и Пакистаном не привел

к снижению ее работоспособности. И, наконец, в-четвертых, создание некоего общего контура механизмов обеспечения региональной безопасности. По большому счету, конкретного ответа ни на один из этих вопросов в Уфе не прозвучало. В итоговых документах есть решение об утверждении Программы сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на ближайшие три года и есть решение о разработке проекта Конвенции ШОС по борьбе с экстремизмом, но как они коррелируются, насколько адекватно реагируют на современные угрозы и вызовы не понятно. Ни слово не сказано о механизмах реального воплощения этих решений, а между тем, масса негативных явлений уже сейчас реально угрожают стабильности и безопасности стран-членов ШОС.

Уфа и Тегеран: тихая нота оптимизма

Напомним, что накануне саммита, в ходе трехсторонней встречи в Москве глав дипломатических ведомств Ирана, России и Китая, была достигнута договоренность о некоей «компромиссной формуле», которая сохраняет заинтересованность Тегерана в развитии сотрудничества с ШОС. Ирану было гарантировано вступление в Организацию после заключения итогового Соглашения по его ядерной программе. Более того, и российский и китайский министры заверили своего коллегу Джавада Зарифа, что после того, как подписи на этом документе будут поставлены, и Москва, и Пекин перестанут считать международные санкции основанием для каких-либо ограничений в развитии экономического и военно-технического сотрудничества с Ираном. По сути, решение вопроса о полноправном членстве Тегерана зависело теперь не от снятия с него санкций Совета Безопасности ООН, а от даты подписания этого итогового Соглашения.

Рассчитывали, что к началу саммита результат на переговорах в Вене все же будет достигнут. Не случилось, а потому вопрос о приеме Ирана в Организацию на правах полноправного члена сдвинулся, по всей видимости, еще на год. Понимание ненормальности сложившейся ситуации все же присутствует. Именно поэтому в «Уфимскую декларацию глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества» был внесен специальный абзац: «Государства-члены высоко оценивают усилия по достижению всеобъемлющего соглашения об урегулировании ситуации вокруг иранской ядерной программы между Исламской Республикой Иран и «шестеркой» международных посредников при участии ЕС. Они считают, что это укрепляет международный режим нераспространения ядерного оружия и способствует укреплению мира и стабильности в регионе».

Однако, критерий снятия санкций как условие членства Ирана в ШОС остается, что еще раз подтвердил глава российского МИДа Сергей Лавров, отвечая на вопросы генерального директора информационного агентства Iran.ru Раджаба Сафарова: «Для страны, которая претендует на членство, эти критерии предполагают необходимость не находиться под санкциями Совета Безопасности ООН».

Ирану было гарантировано вступление в Организацию после заключения итогового Соглашения по его ядерной программе

Для страны, которая претендует на членство, эти критерии предполагают необходимость не находиться под санкциями Совета Безопасности ООН

Подчеркнув всю сложность переговорного процесса в Вене, Сергей Лавров особо отметил, что они не были свободны от попыток «вскрыть» договоренности предыдущего этапа. «К сожалению, наши последние контакты не были свободны от таких попыток, которые делу не помогают, и только тянут нас назад, откладывая достижение окончательной договоренности», — подчеркнул он.

Но, одновременно с этим, посчитал необходимым дать развернутый ответ на заданный Раджабом Сафаровым актуальнейший вопрос: «Можете ли Вы, как авторитетное лицо России, успокоить бизнес,

поскольку многие сейчас переживают, что со снятием санкций с Ирана у российских предпринимателей начнутся большие проблемы с участием на иранском рынке, а цены на нефть могут упасть, усугубляя экономические проблемы российской экономики? Совершенно очевидно, что эти опасения являются мифом, и хотелось бы попросить Вас его развеять».

«Относительно экономических последствий снятия санкций с Ирана, я не думаю, что эффективными бизнесменами являются те, кто привык ориентироваться на какие-то аномальные ситуации, связанные с объявлением санкций против той или иной страны, когда конкуренты не работают в этом конкретном государстве», — ответил Сергей Лавров. — «Наши компании продолжают работать в Иране. У них устойчивые связи и контакты. Российские энергетические компании и те, которые занимаются инфраструктурными и высокотехнологичными проектами, достаточно конкурентоспособны и опытны, чтобы не опасаться ситуации, когда с Ирана будут сняты все ограничения на осуществление внешнеэкономических связей — я в этом убежден».

И особо подчеркнул следующее: «Российское государство, в том числе МИД — как это записано во всех наших концептуальных документах — будет делать все, чтобы никакой дискриминации наших экономических операторов не было. Более того, учитывая последовательную позицию России на всех этапах ситуации вокруг ИЯП, убежден, что мы даже будем иметь определенные преимущества на иранском рынке».

Встреча Владимира Путина и Хасана Роухани на полях саммита

На достаточно оптимистичной ноте прошла 9-го июля и встреча на полях саммита Владимира Путина с Президентом Исламской Республики Иран Хасаном Роухани. Примечательно, что иранский президент на саммите был одним из первых в списке иностранных лидеров, с которыми Владимир Путин провел переговоры в подобном формате.

«Иран — наш традиционный надежный партнер в регионе, отношения у нас развиваются, и развиваются позитивно. Несмотря на все сложности в мировой экономике и известные ограничения, за прошлый год на небольшую величину, но все-таки подрос товарооборот, и эта тенденция

сохраняется в первом квартале текущего года. Активно работают министерства иностранных дел, координируют свои позиции, развиваются и межпарламентские связи. В целом мы можем быть довольны тем, как наши отношения развиваются, но всегда есть, конечно, вопросы, которые требуют особого внимания с нашей стороны», — заявил российский Президент.

«За последние два года мы сделали очень много шагов навстречу друг другу. Уверен, что с имеющейся политической волей с обеих сторон мы сможем продвигать наше двустороннее взаимодействие по всем направлениям. Убежден, что на этой встрече, как и на предыдущих встречах с Вами, мы сможем продвинуть в практическом плане те вопросы, которые нуждаются в дополнительном согласовании... И также считаю своим долгом отметить и поблагодарить за те усилия российской стороны, которые она неизменно предпринимает в продвижении переговоров по иранской ядерной программе, а также личные усилия господина Лаврова», — отвечал ему президент Ирана.

Как пояснил чуть позже пресс-секретарь российского президента Дмитрий Песков, «в ходе встречи обсуждались темы образования, вопросы увеличения стипендий для иранских студентов», а также военно-техническое сотрудничество между нашими странами. В частности, «стороны обсудили заходы военных кораблей, которые интенсивно сейчас происходят и будут продолжаться», — сообщили официальные источники.

Впрочем, вечером 9 июля Хасан Роухани срочно покинул Уфу, сославшись на срочные вопросы у себя на родине. Но перед этим он успел встретиться еще в двухстороннем формате с президентами Афганистана, Пакистана, премьер-министром Китая. В принципе, программа иранского президента в Уфе после встречи с Владимиром Путиным была полностью исчерпана, и он по большому счету ради этой встречи поехал в Уфу.

Иран и ШОС: границы сотрудничества

Тегеран рассматривает свое участие в Шанхайской организации сотрудничества с трех позиций.

Во-первых, как способ выйти из международной политической изоляции, куда его активно пытаются «затолкнуть» США.

Во-вторых, как один из инструментов развития экономики страны через участие в региональных инфраструктурных проектах.

И, в-третьих, как дополнительный способ противостояния угрозам безопасности: трансграничной преступности, в первую очередь — наркотрафику, экстремизму, терроризму и сепаратизму.

Эта триединая схема практически полностью совпадает с основными задачами «Стратегии ШОС до 2025 года» за исключением одного пункта — в части того, что, судя по итогам саммита, до окончательного решения вопроса по иранской ядерной программе государства-участники Организации не возьмут на себя риск предоставления Ирану статуса полноправного члена. В этом вопросе между Тегераном и государствами-членами ШОС существует серьезное противоречие, но оно, как ни грустно это призна-

вать, непреодолимо. Что, разумеется, не должно порождать у иранского руководства мыслей о бесполезности стремления в ШОС, поскольку ситуация обстоит не так драматично, как может представляться на первый взгляд.

О том, что дает Ирану Организация и что ей дает Иран на страницах Iran.ru говорилось неоднократно и достаточно подробно. В нынешних условиях, когда ШОС подошла к переломному моменту своего развития, нет смысла говорить о частностях, и, прежде всего, Тегеран сейчас должен принять принципиальное решение о своем отношении к участию в реализации китайской концепции «Нового Шелкового пути». Ответив для начала на вопрос о том, нужен или не нужен ему этот проект. А главное — какие национальные и экономические интересы Исламской республики могут быть через него реализованы и в какой форме.

Вопрос этот, на самом деле, достаточно непростой. Проблема только в том, что иных путей выхода иранской экономики на мировые и региональные рынки попросту нет, как бы резко это утверждение ни звучало. Нет у Тегерана финансовых и иных возможностей для этого, и после снятия санкций, будем реалистами, они не появятся.

Разработав же программу индивидуального сопряжения своих интересов с проектами в рамках «Нового Шелкового пути», Тегеран получает дополнительные возможности более активного участия в деятельности Шанхайской организации сотрудничества и доступ к выделяемым на реализацию этой концепции финансовым ресурсам. Нынешнего статуса Ирана в ШОС для этого вполне достаточно.

Второй, не менее значимый шаг, должен заключаться в том, что Тегеран может выступить в качестве инициатора ряда региональных инициатив по безопасности, в первую очередь касающихся вопросов противодействия экстремизму и наркотрафику. Есть все основания предполагать, что подобные инициативы будут не только благожелательно восприняты государствами-членами ШОС, но и позволят укрепить доверие к Ирану внутри самой организации, повысить его авторитет и дать дополнительные аргументы сторонникам полноправного членства Тегерана в ШОС.

Ну, а реализовав эти два принципиально важных шага, можно будет ставить вопрос и о других интересующих Иран проблемах, ради решения которых он и стремится к участию в работе Шанхайской организации сотрудничества.

* * *

Главный же вывод, который должно сделать для себя иранское руководство по итогам прошедшего в Уфе саммита, заключается в следующем. Дверь в эту организацию для Тегерана продолжает оставаться открытой. С каждым днем аргументы противников иранского участия в работе этой Организации слабеют. Для ШОС наступает переломный момент, и при всей его сложности этот момент является как нельзя более удачным и для иранских инициатив, и для определения Тегераном форм сотрудничества с этой организацией.

Игорь Панкратенко

Иранская нефть и газ после Венского соглашения

Среди части иранских бизнесменов и в международных околodelовых кругах после подписания «Венского пакта» — итогового Соглашения по ядерной программе — слухи бродят один фантастичнее другого. Кто-то ожидает ливня инвестиций в экономику и огромной очереди из иностранных бизнесменов, ожидающих раздачи кусочков рынка. Кто-то говорит об обрушении цен на нефть и газ. И все это — и позитивное, и негативное — должно, по мнению комментаторов, произойти буквально со дня на день...

Легкая истерия в прогнозах возникает из-за убежденности, что до Вены Тегеран находился в глухой изоляции, будучи полностью отрезан от мировой экономики. Что в корне неверно, поскольку даже на пике санкций ни Вашингтону, ни комиссарам Евросоюза изолировать иранский бизнес от остального мира не удалось. «Двойной удар», нанесенный по Исламской республике в 2012 году — эмбарго на поставки нефти и отключение Ирана от SWIFT — конечно, серьезно повлиял на возможности Тегерана во внешнеэкономической деятельности. Но и полной изоляции не случилось.

Действительно, к концу 2014 года подавляющее большинство иранских государственных и частных банков оказались отрезанными от европейских и американских финансовых систем и, соответственно, имели минимальные возможности по покупке долларов США и евро для проведения внешнеторговых сделок. Но вместе с тем в этот период Тегеран и его торговые партнеры начали активно применять схемы расчетов без доллара и евро. Резко возросла трансграничная торговля Ирана с Турцией, Ираком, Афганистаном и Пакистаном. В страну потоком шли китайские мобильники, пакистанские сигареты и южнокорейская бытовая техника. Города южного Ирака восстанавливались иранскими строительными материалами. Корпорация Маджид аль-Футтайн возводила гипермаркет в западной части Тегерана.

Ни о какой полной экономической изоляции даже на пике санкций речь не шла, свидетельством чему были совместные проекты иранцев с китайским, индийским, южнокорейским и вообще иностранным бизнесом. Это совершенно необходимо учитывать для дальнейшего разговора — дверь в Иран никогда не была закрыта полностью. «Венский пакт» лишь чуть шире приоткрыл ее. Но значит ли это, что сейчас у порога этой двери начнется ажиотаж? Вряд ли.

И вот почему. Огромный рынок — почти 81 миллион населения, большинство из которых молоды, а значит, по западным стандартам, являются просто «идеальными потребителями» — без всякого сомнения лакомый кусок. Иностранные компании, занятые продажами, от сетей быстрого питания до мобильных телефонов, от бытовой техники до лекарственных препаратов, уже готовят презентации расширения присутствия на иранском рынке и подсчитывают возможные прибыли. Что же касается более «серьезных» отраслей экономики, инвестиций в промышленность и энергетику, то здесь все обстоит далеко не так однозначно.

Новые и старые опасения иностранных инвесторов

«Венский пакт» крупный международный бизнес оценил именно таким образом, каким он, по большому счету и является — предварительное приглашения с довольно неясными перспективами реализации. Действительно, сегодня за закрытыми дверями руководство корпораций обсуждают планы присутствия на иранском рынке и отправляют своих представителей в Тегеран на разведку. Но это пока — только планы. Первые лица этих корпораций за несколько прошедших после подписания в Вене договоренностей между Ираном и «шестеркой» международных посредников уже успели сформулировать и единодушно вынести свой вердикт: «Венский пакт» на сегодняшний день не дает гарантий необратимости санкций, не подкреплен изменениями как в международной нормативно-правовой базе, так и в законодательстве США и ЕС.

Несколько проще обстоит ситуация для тех, кто уже активно работал на иранском рынке, например, для французских «Пежо» и «Ситроена», тесно сотрудничавших с местным автомобильным гигантом «Иран Ходро». Руководство этих компаний уже объявило, что намерено возобновить поставки комплектующих для иранских предприятий. Но — не раньше конца нынешнего — начала следующего года. Более того, французские менеджеры готовы обсудить проекты сборки на иранских заводах более современных моделей автомобилей. Опять же это самое «но» — не раньше, чем будут внесены соответствующие изменения в законодательство Евросоюза и США.

Годы напряженности в отношении Ирана с Западом, санкционной истерии, многомиллионных штрафов за сотрудничество с Тегераном сделали свое дело. Крупные корпорации пока еще не очень доверяют «Венскому пакту», опасаются, что ситуация в любой момент может развернуться на 180 градусов, а потому крайне осторожно подходят к вопросам перспектив своего присутствия на иранском рынке.

Их можно понять. Ни один санкционный акт, касающийся Тегерана, еще не отменен. Все политические договоренности существуют пока только на словах. «Обжегшись на молоке, дуют на воду» — в справедливости этой поговорки еще предстоит убедиться. Бизнесу потребуется достаточно долгое время, чтобы поверить, что крупные долгосрочные проекты с Ираном без-

Годы напряженности в отношениях Ирана с Западом, санкционной истерии, многомиллионных штрафов за сотрудничество с Тегераном сделали свое дело

опасны. Причем, убеждать его в этом придется сразу с двух сторон. Внося изменения в законодательство США и ЕС, что само по себе достаточно длительная и сложная процедура. И, одновременно, серьезно реформируя иранское законодательство, приспособив его к изменяющимся условиям, делая более прозрачным. Что, разумеется, тоже станет предметом жестких дискуссий между иранскими элитами.

«Нефть» — как много в этом слове...

Льющиеся после отмены санкций потоки иранской нефти, в которых захлебнется мировой рынок и пойдут на самое «дно» цены, — кошмар, лишающий сна и покоя многочисленных комментаторов. Такое впечатление, что каждую ночь является к ним призрак Бижана Зангене и доводит до холодного пота обещаниями сегодня-завтра довести ежедневную добычу почти до четырех с половиной миллионов баррелей. Это действительно может произойти, и цифра вполне реальна. С двумя оговорками. Во-первых, данный объем будет достигнут только к 2020 году. И, во-вторых, только в том случае, если в реконструкцию инфраструктуры — которая сегодня по техническому развитию серьезно отстает от возможностей Саудовской Аравии, США и России — иранское руководство вложит не менее 70 миллиардов долларов.

В оценке же краткосрочных перспектив наиболее серьезные западные эксперты, те же Гэри Росс из PIRA Energy Group и Сара Вахшури, президент SVB Energy International, единодушно сходятся на том, что за ближайшие 8–12 месяцев максимум увеличения добычи составит от 500 до 800 тысяч баррелей в день. Соотнесите этот показатель с двумя цифрами — сегодня на мировой рынок ежедневно поступает около 94 миллионов баррелей при спросе чуть больше 92,5 миллионов. Прогноз увеличения мирового спроса на 2016 год — до 93,9 миллиона баррелей в сутки. Реальные объемы иранской нефти, а не те политически ангажированные декларации, которое заявляет министерство Зангене, мировой рынок способен «переварить» без особых для себя потрясений.

Простой пример — на сегодняшний день Тегеран располагает 40 миллионами баррелей добытых, но нераспроданных запасов, загруженных на танкера и в хранилища. После подписания «Венского пакта» о готовности приобрести этот объем уже заявили Китай, Индия, Южная Корея и Япония. Рынок данной сделки практически не заметил, а наблюдающиеся в последние дни ценовые колебания не носят принципиального характера. В среднесрочной перспективе цены на нефть будут снижаться. Но не потому, что на рынок потоком хлынет иранская нефть, а из-за мировой экономической конъюнктуры. Собственно, иранская нефть сколько-нибудь серьезно начнет влиять на ценообразование не раньше конца 2016 года. И главным фактором здесь будет отнюдь не Тегеран, а позиция Саудовской Аравии и США.

Реальные объемы иранской нефти, а не те политически ангажированные декларации, которое заявляет министерство Зангене, мировой рынок способен «переварить» без особых для себя потрясений

В прошедшие месяцы саудиты довели добычу нефти до пиковых показателей — 10,4 миллиона баррелей в день. Это — своеобразный сигнал Тегерану: «Вы тоже можете наращивать добычу, но дополнительной доли рынка не получите. Как не получите и ожидаемых высоких доходов после снятия санкций». Да и в США есть кому позаботиться о том, чтобы ограничить экспорт иранской нефти. Достаточно вспомнить совершенно свежий доклад сенатора от Аляски Лизы Марковски, в котором она выражает единое требование американского «нефтяного лобби» к нынешней и будущей администрациям Белого дома: «Иран не должен получить облегчение по санкциям в нефтяной сфере до того, как производители в США не займут своей доли международного рынка».

И, конечно, газ

Необоснованность вымыслов об «Иранской энергетической революции», о которой заговорили сразу после подписания «Венского пакта», получает еще большее подтверждение при анализе второй «основы основ» современного мира — газового рынка.

Информационное агентство Irap.ru уже подробно рассказывало о тех проблемах, которые существуют в газовой отрасли Исламской республики. Потребность этого сектора в иностранных инвестициях оценивается десятками миллиардов. Обладая вторыми по величине после России разведанными запасами газа, Иран далеко не лидер в его производстве. В прошлом году было добыто 173 миллиарда кубов «голубого топлива». Масс-медиа говорили о четвертом месте в мире. Но вот истинная «цена» этого места: первое место в тройке лидеров (США, Россия, Канада) — у американцев с объемом 728 миллиардов. А в «затылок дышат» занимающему четвертое место Ирану тот же Катар (161 миллиард) и даже Китай с его 135 миллиардами.

Причем, из нынешних объемов добычи почти 30 миллиардов закачивается в старые нефтяные скважины для поддержания их производительности. Еще 17 миллиардов «уходит в факел» (в России — около 7–8 миллиардов, в США — около 5 миллиардов) из-за низких пропускных объемов инфраструктуры. Кроме того, ежегодное увеличение добычи практически полностью съедает растущее потребление газа внутри страны. Даже если реализация «Венского пакта» в части снятия санкций пойдет по оптимистическому сценарию — без осложнений, даже если иностранные инвесторы в самое ближайшее время рискнут миллиардными вложениями в газовый сектор — даже при этих благоприятных условиях Иран сможет нарастить к 2020 году свой экспорт в Турцию и Европу в диапазоне от 10 до 20 миллиардов кубов, не больше.

В Евросоюзе, разумеется, рады будут принять иранский газ как замену российскому. В последнее время в Брюсселе много говорят об «уникальном шансе раскрыть истинный потенциал Ирана в качестве поставщика энергоносителей для Евросоюза». Но, как и многое за последнее время исходящее из Брюсселя, это больше политика и мечты, чем серьезные намерения,

Обладая вторыми по величине после России разведанными запасами газа, Иран далеко не лидер в его производстве

основанные на экономических расчетах. Миллиарды долларов инвестиций, тысячи километров инфраструктуры, коренная модернизация этого сектора иранской экономики — все это делает «рывок иранского газа на мировые рынки» вопросом долгосрочной перспективы. Поскольку даже среднесрочное увеличение добычи уже, фактически, законтрактовано — внутренним потребителем, Пакистаном, Турцией, Оманом и далее по списку.

И к этой экономической реальности следует добавить политику, куда же без нее. США, конечно, горячо приветствуют намерение Европы максимально снизить за счет Ирана свою зависимость от российского газа. Но это совершенно не означает, что Вашингтон позволит европейцам безоглядно упасть в объятия иранских газовиков, у них и свой товар на продажу имеется.

* * *

Одним словом, «Венский пакт» и особенно неопределенность, заложенная в той его части, где говорится о санкциях, не станет началом экономического бума в Иране и его стремительного выхода на мировые рынки. Все рассуждения об этом — достаточно спекулятивны и конъюнктурны. При самом благоприятном развитии событий — отсутствие конфликтов и проволочек при реализации итогового Соглашения, первые реальные и серьезные последствия снятия санкций экономика Ирана ощутит не раньше, чем через год-полтора. Примерно столько же потребуется иностранным инвесторам для того, чтобы убедиться в безопасности вложений в Исламскую республику. И только после этого можно будет всерьез говорить о реальном значении для Тегерана и остального мира подписанных в Вене соглашений.

Игорь Панкратенко

Москва и Тегеран после «Венского пакта»: расходимся?

Тон российских обозревателей, комментирующих итоги «Венского пакта» — Соглашения по ядерной программе Ирана — в большинстве случаев уныл и пессимистичен. «Тегеран выбирает Запад», «сотрудничество с Россией будет свернуто», «иранские нефть и газ обрушат энергетический рынок, нанеся тем самым еще один удар по отечественной экономике». Существуют ли основания для подобных опасений? Безусловно. Станут ли они неприятной для Москвы реальностью завтрашнего дня? Вот тут начинаются нюансы...

Многочисленные комментарии экспертов, посвященные последствиям «Венского пакта» для России, отмечены не только пессимизмом, но и отсутствием внутренней логики. С одной стороны, подписание венских соглашений отечественные комментаторы пытаются представить победой российской дипломатии, сформулировавшей такие принципы и подходы к иранскому ядерному досье, которые обеспечили успешность переговорного процесса. С другой — в их выступлениях красной нитью проходит мысль о том, что именно Тегеран станет инициатором свертывания сотрудничества с Москвой. Получается, что «успех» российской внешней политики в данном случае заключается в том, что своими руками вырыли яму для своих же национальных интересов.

В действительности же, суть проблемы гораздо глубже. И заключается в том, что все эти годы Москва рассматривала и вопросы иранской ядерной программы в частности, и отношения с Тегераном в целом исключительно через призму своих отношений с США и Евросоюзом. Никакого самостоятельного «иранского проекта» у Москвы не существовало, а заявления о расширении партнерства с Тегераном были дежурной фразой, звучащей всякий раз, когда в отношениях с Вашингтоном или Брюсселем возникали проблемы.

Попытка усидеть на двух стульях в иранском вопросе многим в московских коридорах власти казалась хитроумной политикой, обреченной на успех. Дескать, при любом развитии событий в отношениях Тегерана с США и их союзниками — спекулируя на роли посредника, Россия окажется в выигрыше. Иран наблюдал за этими «этюдами с мебелью» с откровенным недоумением и все более нарастающим недоверием к Москве как партнеру. В США же над млеющими от собственной хитрости российскими политиками откровенно посмеивались, а порой и подыгрывали, не скупясь, в случае необ-

ходимости, и на слова одобрения. Которые абсолютно ничего не значили, что и продемонстрировал Вашингтон сразу же после Вены. «Россия оказала нам помощь», — заявил Барак Обама в своем интервью для The New York Times. — «Буду с вами честен: я не был уверен, учитывая сильные расхождения, которые сейчас имеются у нас с Россией по Украине, сохранится ли она. Путин и российское правительство рассмотрели эти вопросы по отдельности так, что меня это удивило, и мы бы не достигли этого соглашения, если бы не готовность России остаться на одной стороне с нами и другими членами группы «5+1» в поддержке этой важной сделки».

Услышав подобное из уст американского президента, Москва уже приготовилась получать вполне заслуженные, как ей казалось, политические «коммиссионные» за свою посредническую деятельность. А именно — поставила вопрос о том, что поскольку вопрос с иранской ядерной программой разрешился, то неплохо было бы теперь Америке объявить об отказе от планов развертывания в Европе системы противоракетной обороны. И тут же получила жесткий отказ — иранская угроза, оказывается, еще сохраняется, и ни о каком свертывании планов создания ЕвроПРО не может быть и речи.

Причем, этот отказ сопровождался издевательским комментарием в близкой к Белому Дому Washington Times: «Россия ожидает, что Соединенные Штаты откажутся от своих оборонных усилий в Европе из-за того, что сделка с Ираном состоялась... Способность уничтожать боеголовки была тем, что со времен Рейгана боялся СССР. Это то, чего сегодня реально боится Россия. И только дурак может отказаться от ПРО в нынешних условиях, когда российские усилия направлены на то, чтобы ослабить американскую безопасность». Кто-то ожидал иного решения?

Исключена ли Россия из дальнейшего диалога по Ирану?

Возможности Москвы и дальше играть роль посредника в вопросах иранской ядерной программы, а точнее, теперь уже в практической реализации «Венского пакта», сильно сократились. В немалой степени и из-за странного и труднообъяснимого согласия России с механизмом возобновления санкций.

Напомню, что если США и «евротройка» — Лондон, Париж и Берлин — заявят о нарушении Ираном условий итогового Соглашения и вопрос не будет разрешен конфликтной комиссией, то через тридцать дней санкции будут возобновлены и специального голосования в Совете Безопасности по этому вопросу проводится не будет. То есть, согласившись с этим механизмом, юридически закрепленным на днях в ООН, Россия добровольно отказалась от права вето по «иранскому вопросу». Повторюсь — уступка серьезная и странная, поскольку право вето в СБ ООН — одно из важнейших условий, позволяющих остальному миру считать нашу страну государством «первого порядка».

Возможности Москвы и дальше играть роль посредника в вопросах иранской ядерной программы, а точнее, теперь уже в практической реализации «Венского пакта», сильно сократились

Разговоры о том, что эту уступку компенсирует компромисс по вопросу «оружейного эмбарго», не выдерживают серьезной критики. По условиям итогового Соглашения, поставки наступательных видов вооружений Ирану запрещены на срок в пять лет. Что же касается вооружения оборонительно-го, то здесь в тексте документа существует достаточно невнятная оговорка о том, что его поставки, в принципе, возможны. Как пояснил Сергей Лавров, «иранские коллеги (как Вы сами понимаете, им здесь принадлежало решающее слово) согласились пойти на компромисс. Запад изначально настаивал на сохранении оружейного эмбарго на 8, а то и на 10 лет. В итоге между иранцами и западными коллегами был достигнут компромисс, который мы с Китаем, естественно, поддержали, учитывая, что это устроило Тегеран — в течение пятилетнего периода поставки вооружений в Иран возможны при прохождении соответствующей процедуры уведомления и верификации через СБ ООН». Что, с учетом всех обстоятельств, весьма маловероятно.

Как ни старались Вашингтон и «евротройка» ограничить участие России в процессе реализации итогового Соглашения, полностью этого сделать им не удалось

Все это позволяет комментаторам и в России, и в Иране заявлять, что в качестве посредника в диалоге с США и его союзниками Москва больше не представляет для Тегерана никакого интереса. В реальности же определенные рычаги влияния на ситуацию остались. Как ни старались Вашингтон и «евротройка» ограничить участие России в процессе реализации итогового Соглашения, полностью этого сделать им не удалось

Прежде всего, по условиям «Венского пакта», более девяти тонн низкообогащенного иранского урана должны быть вывезены в Россию, в Ангарский международный центр (Иркутская область).

В обмен на это Москва будет поставлять Тегерану для исследовательских и медицинских целей определенное количество природного урана. Кроме того, именно российские специалисты займутся перепрофилированием завода в Фордо и создания там производства изотопов в медицинских целях. Поскольку реализация двух этих задач является одним из важнейших условий «Венского пакта», скорейшее заключение ирано-российского договора по их реализации будет весомым аргументом готовности Тегерана выполнять условия Соглашения, со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями.

Сам процесс реализации достигнутых в Вене договоренностей и, соответственно, снятия с Ирана санкций, рассчитан на десять лет. Все это время, как полноправный член «шестерки» международных посредников и постоянный член Совета Безопасности ООН, Россия сохраняет рычаги влияния на процесс, пусть и с урезанными возможностями. Вопрос в том, захочет ли она их использовать для развития ирано-российских отношений. Или же опять предпочтет строить политику своего участия в реализации «Венского пакта,» оглядываясь на позицию Вашингтона и его союзников?

Впрочем, ответ на этот вопрос тесно сопряжен с другим: какие формы примут ирано-российские отношения после договоренностей в Вене и примут ли они хоть какую-то форму вообще?

Ирано-российское партнерство: границы возможного

В своем заявлении по итогам Венских договоренностей Президент Владимир Путин заявил, что «новый мощный импульс получают наши двусторонние связи с Ираном, на развитии которых более не будут сказываться внешние факторы». В ближайшие годы и мир, и Россия смогут проверить искренность этих слов.

В Тегеране достаточно как активных противников развития двухсторонних отношений, так и сомневающихся в их целесообразности. «Венский пакт» в определенном смысле только усилит их позиции. Иранские реформаторы, которые и без того раньше лишь терпели курс на развитие партнерских отношений с Москвой, поскольку иного выхода особо не было, теперь еще более напористо будут убеждать руководство и общественность в том, что сотрудничество с Россией не имеет смысла. А все усилия стоит сосредоточить на развитии торгово-экономического партнерства с Западом.

В их распоряжении два сильнейших аргумента. Инвестиции и технологии — вот что является первоочередной необходимостью для экономики страны. Здесь Россия Западу не конкурент, и если по отдельным технологиям еще можно поспорить, то по финансовым возможностям западный капитал «обделает» Москву в чистую. Вдобавок, крупный российский бизнес свои планы в отношении иранского рынка — если таковые всерьез существуют — может начать реализовывать только заручившись одобрением западных партнеров и акционеров. И ничего с этим российский Президент, к сожалению, сделать не сможет, достаточно вспомнить историю со Сбербанком, контрольный пакет которого вроде бы как пока у государства, в лице своего руководства наотрез отказавшегося работать в российском уже Крыму. Боясь критики в виде санкций со стороны западных финансовых кругов.

Можно воспринимать два этих барьера на пути ирано-российских отношений — сравнительную технологическую отсталость и финансовую зависимость от Запада — как трагедию и непреодолимое препятствие. Но можно — и как вызов, требующий адекватного ответа.

Во-первых, западный финансово-промышленный капитал не намерен, да и не готов немедленно начать экспансию на иранский рынок. И даже когда она начнется, приоритетом для него будет удовлетворение потребительского спроса иранского общества, а не участие в высокотехнологичных проектах. То есть ниша для России сохраняется, и она достаточно просторна.

Оставим за рамками военно-техническое сотрудничество. Здесь Россия сама загнала себя в тупик и все проблемы создала своими же руками. Не будем о нефти и газе — о необоснованности слухов про «апокалипсис рынка энергоносителей» говорилось на эти темы на Iran.ru уже неоднократно.

Есть другие сферы, сотрудничество в которых выгодно и Москве, и Тегерану. Атомная энергетика со вполне реальными планами строительства дополнительных энергоблоков Бушерской АЭС. Сотрудничество в сфере развития иранских железных дорог — от поставок подвижного состава до участия в электрификации и модернизации путей. Совместная космическая программа — от подготовки пилотируемого полета до совместной разработки столь необходимых «тяжелых» спутников и вывода их на геостационарную орбиту. Список можно продолжить вплоть до сельскохозяйственных

проектов и портов на Каспии, но и уже перечисленного достаточно для того, чтобы понять — перспективы у ирано-российского торгово-экономического партнерства на государственном уровне есть, и они немалые.

Во-вторых, что является наиболее актуальной, но почему-то редко упоминаемой задачей, вовлечение Ирана в главный проект Шанхайской организации сотрудничества — «экономическое пространство нового Шелкового пути». Эта совместная работа Москвы и Пекина, помимо прочего, сможет дать Тегерану доступ к столь необходимым ему финансовым ресурсам из банковских институтов, которые планируется создавать в ШОС.

* * *

После подписания «Венского пакта» отношения России и Ирана переходят на новый, более сложный уровень. Время хитроумного сидения на двух стульях в ожидании комиссионных за посредничество для Москвы закончилось. По большому счету, десятилетний срок снятия с Ирана санкций является сроком, за который Вашингтон и его союзники намерены «перетянуть» Тегеран на свою сторону, сменив нынешнее руководство на «своих». Если потребуется — доведя «эрозию режима» до критической точки. Если потребуется — организовав вершущечный переворот под видом «зеленой революции». Возникшая после Вены реальность является вызовом для Москвы, который потребует от российского руководства адекватного и оперативного ответа. Но главное — потребует политической воли и честного ответа на вопрос о том, готов ли Кремль в иранском вопросе проводить самостоятельную политику.

Оксана Полищук

США — Иран: перспективы туманны

Международный обозреватель ТАСС Оксана Полищук считает, что несмотря на некоторый прогресс «иранского досье», до настоящего урегулирования взаимоотношений по линии США — Иран еще далеко.

Достигнутые «шестеркой» (РФ, США, КНР, Великобритания, Франция, Германия) и Ираном

договоренности стали, безусловно, одним из самых позитивных международных событий за последние годы. На финальной стадии переговоров казалось, что гораздо больше других государств (исключая сам Иран) разрешения иранской ядерной проблемы хотят Соединенные Штаты. Однако, как выяснилось, далеко не все в Вашингтоне желали этого. Теперь, когда Конгресс США должен утвердить поданный администрацией президента Барака Обамы пакет документов по Ирану, стало очевидно, что представителям исполнительной и законодательной ветвей власти предстоит «пободаться» по данному вопросу. Спикер Палаты представителей Джон Бейнер (республиканец, от штата Огайо) пообещал, что конгрессмены сделают все возможное, чтобы отклонить достигнутые договоренности по иранской ядерной программе.

Да или нет?

Никто в Белом доме не ожидает, что одобрение сделки с Ираном в Конгрессе пройдет легко и просто. Хотя бы потому, что сейчас в обеих палатах парламента большинство принадлежит республиканцам, которые уже неоднократно на разные лады повторяли, что не согласны с достигнутыми «шестеркой» и Ираном соглашениями.

Вроде бы поддерживают своего президента демократы. Но как-то не очень дружно. Так, например, лидер демократов в Палате представителей Нэнси Пелоси однозначно высказалась в поддержку соглашения по ядерной программе Тегерана. Однако другие демократы заявили о том, что им нужно изучить документы.

В соответствии с недавно принятым в США законом, на рассмотрение сделки с Ираном американским законодателям отводится 60 дней. После этого они должны будут либо одобрить, либо отвергнуть договоренность. Президент заранее предупредил, что не позволит торпедировать соглашение и пообещал воспользоваться своим правом вето. Для того чтобы преодолеть

его, обеим палатам Конгресса потребуется две трети голосов и пока не ясно, удастся ли их набрать.

Понятно, что республиканцы будут выступать против кажущейся им неудачной сделки. Однако им будут необходимы голоса демократов, которым, возможно, не очень хочется идти против Обамы, и против своего лидера в Конгрессе Пелоси.

В чем проблема?

Голосуя за святую для любого американца безопасность США и, соответственно, против соглашения с Ираном, некоторые законодатели, независимо от партийной принадлежности, будут иметь в уме интересы еврейского государства

Почему казалось бы вполне удачная сделка встретила столь решительное сопротивление множества американских законодателей? По словам Бейнера, соглашение с Ираном угрожает безопасности американского народа и способно спровоцировать гонку ядерных вооружений во всем мире.

Нельзя исключать, что помимо этих, по большому счету дежурных аргументов, у американских законодателей, как республиканцев, так и демократов, есть более веские аргументы. Например, недовольство Израиля.

Ни для кого не секрет, что на Капитолийском холме очень сильно еврейское лобби. Поэтому, голосуя за святую для любого американца безопасность США и, соответственно, против соглашения с Ираном, некоторые законодатели, независимо от партийной принадлежности, будут иметь в уме интересы еврейского государства.

Кроме того, нельзя забывать и о уже начавшейся в Соединенных Штатах предвыборной президентской кампании. Если демократы могут поставить себе в заслугу разрешение тянувшейся многие годы международной проблемы, то республиканцы не преминут воспользоваться случаем и обвинить своих оппонентов в беспринципности и «продаже» государственных интересов.

Бизнес в Иране

Не стоит забывать и о том, что Иран, долгое время находившийся в экономической изоляции, вряд ли будет спешить вести дела с представителями американского бизнеса. Можно предположить, что Тегеран отдаст предпочтение российским и европейским компаниям.

Кстати, уже сейчас весьма активно работают на иранском направлении французы. Об этом свидетельствует, например, предстоящий в ближайшее время визит в Тегеран главы МИД Франции Лорана Фабиуса. Он сам, правда, заявил о том, что поедет в Иран в качестве «политического руководителя» и намерен там встретиться с президентом ИРИ Хасаном Роухани.

Бизнесменов в составе французской делегации не будет. Однако крайне трудно предположить, что министр иностранных дел не пролоббирует

бизнес-интересы собственной страны на столь перспективном рынке, каким является иранский.

Не останутся в стороне при дележке «иранского пирога» и китайцы.

Так что, если Конгресс США заблокирует соглашение с Ираном, то другие страны уже не захотят соблюдать эмбарго на торговлю с Тегераном, что очевидно нанесет ущерб американскому бизнес-сообществу.

Жизнь покажет

Так чем закончится в итоге противостояние критически настроенных законодателей и Белого дома? Пока все идет к тому, что администрация Обамы подвергнется жесткой критике и будет вынуждена оправдываться. Возможно даже соглашение будет отвергнуто и президент вынужден будет наложить вето.

Однако, когда все предвыборные «сливки» с ситуации будут сняты, и удастся немного успокоить Тель-Авив, конгрессмены нехотя поддержат соглашение, снабдив его какими-нибудь оговорками.

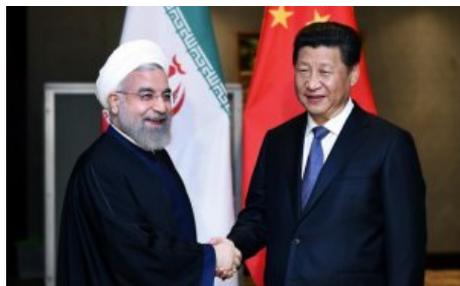
Ясно одно, Соединенные Штаты уже не могут, как прежде, диктовать всему миру свои условия. И Белому дому, кто бы в нем не находился — республиканцы или демократы — приходится все более обдуманно вести свою политику, сообразуясь не только с внутренними, но и внешними факторами.

Игорь Панкратенко

Тегеран-Пекин: амбициозный лев и крадущийся дракон

Китай был и остается, по сути, единственной страной, которая в последнее десятилетие проводила в отношении Ирана самостоятельную политику. Учитывая, разумеется, международную конъюнктуру, но при этом ни на шаг не отступая от присущего Пекину прагматизма. Когда этого требовали интересы национальной экономики, Китай попросту игнорировал позицию Запада в иранском вопросе и введенные против Тегерана санкции. Сегодня, после подписания итогового Соглашения в Вене, у двух стран появилась реальная возможность стать стратегическими партнерами. Будет ли она реализована?

В сложнейший для Ирана и его экономики период развязанной Западом войны санкций, Китай установил своеобразный рекорд. В то время, когда товарооборот Исламской республики с ее основными партнерами сокращался, а с Россией вообще упал до исторического минимума, объем торговли между Тегераном и Пекином только нарастал. 1997 — \$12 миллиардов, в преддверии «калечащих санкций», в 2009 году — \$28 миллиардов. На их пике в 2012 — \$36 миллиардов. В 2013 — \$40 миллиардов. И, по итогам прошлого года, с учетом нефтяного экспорта — \$47,5 миллиарда долларов.

Словом, за период с 2009 года, в условиях ужесточения Вашингтоном и ЕС санкционного режима против Исламской республики, рост товарооборота составил почти 60 процентов — более чем убедительно доказательство того, что для Пекина санкции никогда не были и не будут сдерживающим фактором в развитии экономического партнерства с Тегераном.

Избегая громких заявлений, Китай использовал любую возможность как для «размывания» санкций, так и для осторожного, но эффективного подталкивания остальных членов «шестерки» к мысли о том, что соглашение по ядерной программе Ирана должно быть подписано, а политика изоляции Тегерана является контрпродуктивной и наносит серьезный ущерб региональной безопасности. Причем, к убеждению партнеров Пекин подходил комплексно, гибко сочетая экономические решения с демонстративными шагами военно-политического характера.

К примеру, в 2009 году Иран обеспечивал около 12 процентов китайских потребностей в импорте нефти, занимая третье место в списке импортеров — после Анголы и Саудовской Аравии. Не вступая в прямую конфронтацию с резолюциями Совета Безопасности ООН и односторонними санкциями,

введенными США и Евросоюзом, Пекин в 2010–2012 году снизил объемы закупаемой нефти. Но как только в ноябре 2013 года, по итогам переговоров в Женеве, антииранские санкции были ослаблены, Китай тут же вновь начал наращивать объемы импорта, только за первые шесть месяцев 2014 года увеличив объемы закупок у Ирана на 48 процентов.

Что же касается шагов военно-политического характера, то стоит напомнить, что в 2010 году, когда Вашингтон и его союзники изо всех сил проталкивали идею о «принуждении Тегерана к переговорам» путем создания вокруг него режима международной изоляции, намекая при этом на возможные военные меры, эскадрилья истребителей китайских ВВС демонстративно прибыла с «визитом дружбы» на авиабазу в Иране. А в 2014 году состоялась серия ирано-китайских контактов на уровне глав военных ведомств. Китайский и иранский министры обороны провели содержательный диалог по вопросам сотрудничества в сфере безопасности и перспектив партнерства. Стороны обменялись представительными военными делегациями, а под «занавес» — корабли китайского военно-морского флота нанесли визит в Бандар-Аббас.

Непростые нюансы ирано-китайского партнерства

Но крайне наивно и нечестно было бы изображать отношения между Тегераном и Пекином как ровную дорогу к сияющим вершинам стратегического партнерства, над которой всегда безоблачное небо и ярко сияет солнце ирано-китайской дружбы. История отношений между этими государствами за последние два десятилетия включает в себя и провалы, и нереализованные проекты. Нет ни одной стратегической сферы сотрудничества между Тегераном и Пекином, у которой не было бы своего персонального «скелета в шкафу».

В начале 90-х годов Китай и Иран заключили ряд протоколов о сотрудничестве в ядерной области. Так, в 1993 году был подписан контракт об участии Пекина в достройке Бушерской АЭС и строительстве еще одной атомной электростанции мощностью 300 МВт на юго-западе Ирана. Кроме того, в 1995 году стороны достигли соглашения о том, что Китай построит под Исфаганом завод по обогащению урана. Эти договоренности вызвали крайне нервную реакцию Вашингтона, давлению которого тогда Китай предпочел уступить, и в 1999 году ирано-китайское сотрудничество в сфере атомной энергетики было свернуто.

До определенного времени Пекин не только поставлял в Исламскую республику готовые образцы вооружений, но и передал ряд технологий для иранского военно-промышленного комплекса, касающихся ракетной техники, артиллерийских систем и строительства боевых кораблей и катеров. А итогом сотрудничества двух стран в космической сфере стал запуск в сентябре 2008 года с помощью китайской ракеты совместного искусственного спутника Земли Environment-1.

Но США сумели заставить Китай уступить и во второй раз, в 2009 году, когда была принята резолюция Совета управляющих МАГАТЭ, осуждающая Тегеран за сокрытие информации о строительстве второго завода по обогащению урана вблизи города Кум и ставшая предлогом для введения

дополнительных санкций против Ирана Советом Безопасности ООН. Правда, для этого американской стороне пришлось прибегнуть к откровенному шантажу — сначала Вашингтон принял решение о поставках оружия Тайваню, затем в Белом доме с помпой встречали духовного лидера Тибета Далай-ламу.

Ху Цзиньтао: мы с Обамой провели откровенные, конструктивные и плодотворные переговоры. Ну а уже после этих демонстративных шагов, за две недели до официального визита Президента США Барака Обамы в Китай, который состоялся 15–18 ноября 2009 года, в Пекин прибыли эмиссары американского Совета национальной безопасности Денис Росс и Джеффри Бадер. Которые недвусмысленно дали понять, что если Китай, оставшийся со своей особой позицией по Ирану в стратегическом одиночестве, — напомним, Россия к тому времени уже приняла американские правила игры по ядерному досье Тегерана — не согласится с необходимостью ужесточения позиции по Ирану, не свернет программу ВТС и наложит вето на антииранскую резолюцию СБ ООН, то «недружественные шаги» США в отношении Пекина примут гораздо больший масштаб.

Взвесив в той ситуации все «за» и «против», китайское руководство приняло решение не вступать в открытый конфликт с американцами и их союзниками в Европе. Но при этом — использовать все возможные «лазейки» в санкционном режиме для продолжения взаимовыгодного сотрудничества с Ираном. Что, как показывает динамика товарооборота, и было сделано. Но осадок у иранской стороны остался.

Отдельного разговора заслуживают периодически возникающие между Тегераном и Пекином разногласия в экономической сфере — от совместных проектов по нефти и газу, до проблем с китайскими инвестициями в иранскую экономику и политикой жесткого протекционизма Тегерана в отношении присутствия китайских товаров на рынке страны. Защищая интересы отечественного производителя, руководство Ирана не намерено проводить политику «открытых дверей» для изготовленной в КНР продукции массового потребления. Что, разумеется, вызывает откровенное раздражение китайского бизнеса и добавляет недопонимания в двухсторонние отношения.

Претензии Тегерана

Но и без экономической составляющей у Тегерана раз за разом прорывается раздражение уклончивой, по его мнению, позицией Пекина по целому ряду вопросов, главный из которых — признание Китаем за Ираном статуса «эксклюзивного партнера». На том основании, что Иран занимает последовательную антиамериканскую позицию и, по расчетам руководства страны, должен быть автоматически занесен Пекином в категорию «внешнеполитического приоритета» с соответствующими преференциями в экономической политике и сфере военно-технического сотрудничества. Особенно эти настроения у части иранских политических элит усилились сейчас, после подписания «Венского пакта». Основная причина здесь, как представляется, — непонимание в Тегеране основных принципов той внешней политики, которую проводит Китай.

Именно экономические рычаги, не зависящие от политических симпатий, в первую очередь используются Пекином для продвижения своих интересов в регионе, для оформления его в своеобразное «открытое акционерное общество». Членство в котором должно приносить китайской экономике прибыль, а не служить источником проблем из-за того, что в клубке местных конфликтов Пекин открыто принял чью-то сторону. И благодаря этой линии сегодня Китай реализует свои политические и экономические задачи в той же Африке, в Центральной Азии и на Ближнем Востоке пусть и менее «зрелищно», но куда как успешнее, чем США, Россия или Иран.

Что, повторюсь, вызывает все большее непонимание в Тегеране. Тем, например, что Китай временно диверсифицировал источники поставок энергоресурсов, в результате чего Саудовская Аравия — главный противник Ирана в региональном противостоянии — занимает место в тройке основных экспортеров нефти в Поднебесную, а вот Тегеран места в ней лишился. Или тем, что придерживаясь твердой позиции в отношении того, что законные права палестинцев должны быть удовлетворены, Пекин, тем не менее, стал одним из главных импортеров израильского оружия. Вдобавок, в 2013 году импорт из Китая в Израиль без учета алмазов впервые превысил по объему импорт из США, и теперь Пекин выступает одним из главных поставщиком товаров и услуг «сионистскому режиму».

Расширение сотрудничества Пекина с Багдадом в освоении южных нефтяных полей Ирака, несущие в себе, по мнению Тегерана, «угрозу ослабления иранского влияния в стране». Иранское руководство, наблюдая за активностью Пекина, всерьез опасается, что вскоре ему придется вслед за американцами повторять слова, сказанные Робертом Капраном в Wall Street Journal: «Мы освободили Ирак, чтобы китайские фирмы могли беспрепятственно добывать там нефть».

Вызывает настороженность Тегерана и активность Китая в пакистанском Белуджистане, являющемся одним из ключевых узлов «нового экономического пространства Шелкового пути». Пекин не скрывает, что рассматривает Пакистан вообще и эту провинцию в частности, как будущую промышленную базу. И в Тегеране задаются вопросом — не станет ли динамично развивающийся пакистанский Белуджистан причиной роста сепаратистских настроений в Белуджистане иранском, тем более, что сравнимых по размерам с китайскими инвестиций в регион Исламская республика делать не может.

И, в завершение, еще об одной из причин иранского недовольства — достаточно жесткая позиция Китая в отношении попыток иранских религиозных организаций заниматься пропагандой исламских ценностей в непосредственной близости от западных границ КНР. Стоит напомнить, что когда бывший президент Ирана Мохаммад Хатами предложил Пекину помощь шиитского духовенства в урегулировании проблем с мусульманами Синьцзяна, китайская сторона вежливо, но настоятельно посоветовала никогда больше не поднимать тему.

Через тернии — к стратегическому партнерству

Подписание итогового Соглашения по иранской ядерной программе в Вене было воспринято в Пекине как новая возможность укрепить стратегическое партнерство с Тегераном. Тем более, что к благополучному

исходу тринадцатилетних переговоров китайская сторона приложила максимум усилий.

Руководство КНР сегодня прекрасно осознает ключевое значение Ирана в регионе, важность полноценного и масштабного сотрудничества с ним в реализации как грандиозного проекта «экономического пространства нового Шелкового пути», так и программ по обеспечению региональной безопасности, совместного противостояния наркотрафику, экстремизму и, что актуально и для Тегерана, и для Пекина, сепаратизму.

Иран рассматривается Китаем и как важнейший элемент обеспечения безопасности энергетической, поскольку, во-первых, даже с учетом диверсификации источников импорта останется одним из важнейших поставщиков нефти для китайской экономики. Во-вторых, трубопроводы, которые в перспективе могут протянуться из Ирана в КНР, менее уязвимы для недружественных шагов третьих стран, чем нынешние морские маршруты Пекина, проходящие через узкие ворота Ормузского и Малаккского проливов.

А потому и до «Венского пакта», и после его подписания официальные лица КНР заявляли и заявляют о готовности оказать Тегерану помощь в решении двух наиболее важных задач иранской экономики — получение технологий и инвестиций. Причем, с опережением утвержденного в ООН графика снятия санкций. По итогам Вены Пекин уже подтвердил три принципиально важных момента сотрудничества с Тегераном. Первый — готовность инвестировать создание «экономического коридора» из Иран в Пакистан (включая строительство газопровода). Второй — предоставить для модернизации иранской экономики средства Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. И, наконец, третий — в случае заключения с Тегераном соглашения о его участии в создании «экономического пространства нового Шелкового пути», Пекин готов в ближайшие годы довести объем своих инвестиций в экономику Ирана до 52 миллиардов долларов.

Ну и, разумеется, Китай намерен расширить сотрудничество в сфере транспорта, то есть продолжить полномасштабную реализацию подписанного с Ираном в 2003 году «Протокола о взаимодействии в транспортной сфере». Который сам по себе является более чем серьезным проектом, включающим в себя и дальнейшее развитие магистрали «Тегеран-Север», и строительство метрополитенов в Исфагане, Мешхеде и Тебризе. А кроме того, создание китайской China National Heavy Truck Corporation совместно с Iran Khodro Diesel в Иране заводов по сборке грузовых автомобилей и микроавтобусов, с последующей их реализацией на рынках Ближнего Востока и Центральной Азии.

* * *

Иран и Китай — переговорщики крайне сложные. Ко всему, в их отношениях достаточно спорных моментов и взаимного недопонимания. От того, сумеют ли они их преодолеть, во многом зависит и то, станет ли реальностью стратегическое партнерство «амбициозного льва» и «крадущегося дракона». Партнерство, способное сформировать новую политическую и экономическую реальность Востока, от Турции и Ирака до Пакистана, от Центральной Азии до Синьцзяна.

Иран в новом качестве: реакция Эр-Рияда и Тель-Авива

Соглашение по ядерной программе Ирана состоялось, и для своих ближневосточных соседей Тегеран предстал теперь в новом качестве — страны, с которой, возможно, будут сняты экономические санкции. Страны, сотрудничество с которой не повлечет за собой неодобрения Вашингтона. И, главное, страны, которая получит дополнительные возможности для проведения более активной внешней политики в регионе. Впрочем, антииранская позиция Эр-Рияда и Тель-Авива остается неизменной. Изменения, вызванные итогами Вены, коснулись этих влиятельных региональных игроков только в части их отношений с США.

Известия о подписании итогового Соглашения по иранской ядерной программе в ближневосточных столицах восприняли совершенно по-разному. В монархиях Залива, за исключением Омана, новости из Вены восприняли в «штыки», продемонстрировав трогательное единодушие оценок с заявлениями руководства Израиля. В Бейруте и Анкаре благополучный исход переговоров дал старт спешной подготовке проектов экономического сотрудничества с Тегераном. Но общим для всех ближневосточных столиц было ожидание разъяснений итогов Вены Вашингтоном. И они не заставили себя ждать, как на официальном уровне, так и в виде намеков и многозначительных обмолвок.

Сообщения американской дипломатии об историческом значении «сделки с Ираном», заверения в том, что она положит конец конфронтации между двумя странами, было не более чем парадным фасадом. За которым союзникам США на Ближнем Востоке — в первую очередь Израилю и саудитам — подавались сигналы совершенно противоположного содержания.

Самая распространенная — как, впрочем, и самая нелепая — идея о последствиях «Венского пакта» заключалась в том, что после подписания Соглашения Вашингтон начнет смену внешнеполитических ориентиров — ослабит сотрудничество с Израилем и Саудовской Аравией в пользу более тесных контактов с Тегераном. Идея эта, вопреки ее очевидной нелепости, стала навязчивой и поразила не только мышление ближневосточных политических элит, но и людей, считающих себя экспертами. Поэтому основные усилия американской дипломатии в эти две недели, последовавшие за подписанием «Венского пакта», были сосредоточены на том, чтобы объяснить своим союзникам на Ближнем Востоке — ничего подобного у Вашингтона и в мыслях не было.

Разногласия в оценках итогового Соглашения быстро сменилась в ведущих американских масс-медиа единой позицией: «сделка по ядерной программе — это, конечно, хорошо, но мы продолжаем считать Иран главным спонсором терроризма. Мы считаем, что его политика — поддержка режима Башара Асада, шиитского ополчения в Ираке и хуситов в Йемене — ведет к дестабилизации региона. И мирится с этим мы не намерены».

Для объяснения наиболее непонятным, тем, кто не способен понимать намеков в прессе, прозвучал залп «тяжелой артиллерии». Сначала вице-президент США Джозеф Байден на встрече с сенаторами-демократами в Конгрессе заявил, что «в этой договоренности ничто не исключает возможности применения военной силы против Ирана». А затем последовало выступление посла США в ООН Саманты Пауэр, сказавшей, что «соглашение не изменит нашей глубокой озабоченности состоянием прав человека в Иране, его поддержкой терроризма, исходящими из Тегерана угрозами Израилю и другие шаги, дестабилизирующие обстановку в регионе». Нет оснований сомневаться, что говорилось это в первую очередь для ближневосточных союзников США.

Монархии Залива: противостояние с Тегераном будет продолжено

Заявлениями дело не ограничилось. Министр обороны США Эштон Картер посетил Саудовскую Аравию, где долго беседовал с королем Салманом и наследными принцами, объясняя им, что соглашение с Ираном ничего не изменит в американо-саудовских отношениях. Что Эр-Рияд, наряду с Тель-Авивом, по-прежнему остается главным стратегическим партнером Америки в регионе. И что этот пункт внешней политики США ревизии не подлежит.

Примечательно, что комментируя накануне отлета цель своей поездки, Эштон Картер прямо заявил: главная задача его визита в Эр-Рияд заключается в «обсуждении стратегии борьбы с иранской агрессией в регионе». Впрочем, на недоверчивых саудитов это особого впечатления не произвело, и как от себя лично, так и от имени других монархий Персидского залива они запросили более весомых гарантий. Которые тут же были предоставлены.

Так, в частности, глава военного ведомства США подтвердил, что достигнутые в Кэмп-Дэвиде договоренности между Бараком Обамой и представителями арабских монархий остаются в силе. Вашингтон по-прежнему намерен поддерживать действия саудитов и других членов ССАГПЗ в Сирии и Йемене, а также «с пониманием» относиться к борьбе с внутренней оппозицией в государствах Залива, под которой подразумеваются в первую очередь шииты.

Американский министр обороны также заверил своих собеседников в том, что поставки вооружений монархиям будут производиться в нарастающих объемах и на льготных условиях. А в самое ближайшее время будет решен вопрос о создании единой системы противоракетной обороны ССАГПЗ, которая мало того, что прикроет Аравию «надежным щитом от возможной атаки Тегерана», но и позволит наносить упреждающие удары по стартовым позициям иранских ракет, узлам ПВО и базам ВВС.

Судя по всему, предоставленные американской стороной гарантии вполне удовлетворили Эр-Рияд и его союзников в Заливе. Посетивший на днях Катар, Кувейт и Ирак министр иностранных дел Ирана Джавад Зариф встретил откровенно холодный прием, сопровождавшийся демонстративно недружественными шагами.

В частности, накануне начала турне Зарифа в монархии Залива Бахрейн отозвал из Тегерана «для консультаций» своего посла. По официальной версии — «в связи с неприемлемыми заявлениями иранских официальных лиц». В действительности же — в связи с громкими заявлениями бахрейнских спецслужб о том, что им удалось перехватить следовавший якобы из Ирана груз взрывчатки, якобы предназначавшийся для проведения терактов в Саудовской Аравии. Разумеется, по версии бахрейнских властей, и за грузом, и за сопровождавшими его «террористами» стоит Корпус стражей исламской революции.

Помимо этого «шпионского скандала» визит Зарифа еще много чем сопровождался: и драматическим заявлением посла ОАЭ в Вашингтоне о том, что вооруженные силы его страны «действуют под гнетом иранской угрозы», и информационной кампанией катарской Аль-Джазиры по дискредитации венского Соглашения. Впрочем, все эти акции, санкционированные властями стран, которые посетил Зариф, сводились к одному — показать и Тегерану, и остальному миру, что ни о каком завершении «региональной холодной войны» речи быть не может. А если после снятия санкций и произойдет некое оживление экономических связей, то в ближайшей перспективе оно никак не повлияет на проводимую монархиями Залива политику «сдерживания иранской экспансии».

Во что США обойдутся «слезы Израиля»?

Известие о подписании итогового Соглашения с Ираном в Вене вызвало в Израиле, по выражению одного из пророков Ветхого Завета, «плач вселенский и скрежет зубовой». Премьер-министр, «неистовый Биби» Нетаньяху объявил «Венский пакт» ошибкой исторического масштаба. В чем его полностью поддержали и члены кабинета, и ведущие деятели оппозиции, и, согласно срочным проведенным социологическим опросам, более 70 процентов населения страны.

Руководство Израиля объявило также, что Соглашение признавать не намерено, более того, приложит все усилия для его срыва. Если понадобится — то и военным путем. И без того потерявший часть здоровья на переговорах с иранцами Джон Керри кинулся было остудить горячих израильских парней, заявив, что с таким отношением к международному Соглашению Тель-Авив рискует оказаться в изоляции. Горячие парни не только не испугались, но и в ответ устроили Керри такую головомойку, что за его неосторожное высказывание американский Госдепартамент был вынужден перед израильцами оправдываться, заявляя устами пресс-секретаря Джона Кирби,

Известие о подписании итогового Соглашения с Ираном в Вене вызвало в Израиле, по выражению одного из пророков Ветхого Завета, «плач вселенский и скрежет зубовой»

что его шефа не так поняли, что он ничего такого не имел в виду и уж тем более и в мыслях не держал намерения «угрожать нашим дорогим израильским друзьям международной изоляцией».

Вскоре, впрочем, выяснилось, что Тель-Авив, конечно, сделкой поражен, американским вероломством буквально уничтожен, агрессии Ирана ожидает буквально со дня на день, но таки да, люди там отходчивые, а потому готовы принять от Вашингтона небольшую компенсацию за свои слезы и невыразимые страдания — деньгами, дипломатическим прикрытием на уровне Совета Безопасности ООН и военными гарантиями.

Издерганная произраильскими лоббистами администрация Белого дома с радостью на это согласилась. Согласно предварительным договоренностям, ежегодная финансовая помощь Израилю на весь десятилетний период реализации «Венского пакта» будет увеличена примерно на полтора миллиарда долларов. Кроме того, США профинансируют дальнейшее развитие «Железного купола» — системы противоракетной обороны Израиля, а также оплатят пополнение ракетных арсеналов, сократившихся после прошлогодней карательной операции в Газе. На льготных условиях израильские ВВС получают и эскадрилью новейших истребителей-бомбардировщиков F-35. Заодно, в ближайшее время впервые за последние шесть лет состоятся совместные с авиацией США и ряда европейских стран учения ВВС Израиля, на которых будут отрабатываться «ракетные атаки и нанесение бомбовых ударов по целям, расположенным в отдаленных странах».

В отношении же того, какие действия Израиля будут обеспечены американским дипломатическим прикрытием на уровне Совета Безопасности ООН, особо и гадать не нужно: палестинский вопрос, операции против Хизбаллы в Ливане и другие, столь же «деликатные» темы внешней политики Тель-Авива. Причем, всю эту компенсацию за свои «слезы» израильтяне получают только за то, что не будут особо выступать против «Венского пакта». Никаких гарантий изменения своей политики в отношении Тегерана, которая, напомним, включает в себя и террор, и диверсии, и шпионаж, Тель-Авив Вашингтону не предоставил. И предоставлять не собирается.

* * *

Разумеется, позицией монархий Персидского залива и Израиля реакция государств Ближнего и Среднего Востока на подписание итогового Соглашения по ядерной программе Ирана не исчерпывается. Как уже говорилось выше, серьезный план расширения экономического и военно-технического сотрудничества с Тегераном готовят в Бейруте. Ажиотаж в отношении перспектив местного бизнеса с открытием иранских рынков царит у предпринимателей Турции, особенно тех, кто занят в торговле, туризме и строительной сфере. Обо все этом еще пойдет разговор на страницах Iran.ru. Но, к сожалению, не эти позитивные новости будут определять основную тенденцию. «Венский пакт» не смягчил враждебного отношения к Ирану ни Израиля, ни монархий Персидского залива. Получив гарантии США они твердо намерены продолжать «холодную войну» в регионе.

Итоги Вены: Дом, построенный на песке

Эйфория охватила весь мир после новостей из Вены. Подписанное вчера в австрийской столице итоговое Соглашение по иранской ядерной программе уже называют историческим. Политики говорят, что сложнейший вопрос мировой политики, переговоры по которому заняли ни много ни мало тринадцать лет, успешно разрешен и снят с повестки дня. Но так ли уж безоблачно выглядят перспективы достигнутого Соглашения между Ираном и «шестеркой» международных посредников?

Растянувшийся на 18 дней финальный этап проходивших в Вене переговоров по ядерной программе Ирана вымотал и его непосредственных участников, и многочисленных наблюдателей. Слухи о ходе дискуссий и перспективах подписания Соглашения стремительно рождались — один драматичнее другого — и столь же стремительно умирали, дипломаты отделялись общими фразами, а к концу переговоров вообще перешли на язык цифр. «90 процентов... 97 процентов... 98 процентов текста согласовано», — передавали друг другу журналисты. Окончательные решения состоялись ночью 13 июля, а на следующий день, в десять утра по местному времени, было объявлено, что Соглашение стало свершившимся фактом, содержание 100-страничного документа (основной договор и пять приложений к нему) наконец-то удовлетворило все принимавшие участие в переговорах стороны.

Итак, как выглядят основные пункты достигнутых в Вене договоренностей?

- Иран снижает количество центрифуг для обогащения урана на две трети от имеющегося количества, с 18 до 6 тысяч.
- Из общего количества обогащенного урана в распоряжении Ирана остается 300 килограмм, то есть 4 процента от наработанного за все эти годы объема. Остальные 96 процентов должны быть либо утилизированы, либо вывезены из страны.
- Реактор на тяжелой воде в Араке должен быть переоборудован таким образом, чтобы на нем невозможно было производство плутония.
- Иран берет на себя обязательство обеспечить международным инспекциям доступ на любые объекты, в том числе и военные, связанные с ядерными исследованиями. При этом он может оспорить выбор того или иного объекта, но окончательное решение об инспекции остается за комиссией международных наблюдателей. Примечательно, что согласно условиям Соглашения, инспектора могут быть назначены только

из граждан тех государств, которые имеют дипломатические отношения с Тегераном, то есть граждане США в этих проверках участия принимать не будут.

- После того, как Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) подтвердит, что Иран выполняет взятые на себя в рамках Соглашения обязательства, Совет Безопасности ООН, США и Евросоюз начнут поэтапную отмену санкций. Ожидается, что это произойдет к концу нынешнего — началу 2016 года. Одним из первых шагов в отмене санкций станет размораживание зарубежных активов Ирана, которые на сегодняшний день составляют примерно 130 миллиардов долларов.
- Ограничения на поставку в Иран обычных вооружений (так называемое оружейное эмбарго) сохраняются еще на пять лет. На восемь лет сохраняется запрет продавать Тегерану ракетные технологии.
- Механизм разрешения конфликтов и обратимость санкций. Если у МАГАТЭ или одного из государств, входящего в «шестерку» международных посредников, возникнут подозрения в том, что Иран нарушает условия Соглашения, то вопрос передается в конфликтную комиссию, которая должна в течение 30 дней признать или опровергнуть данное подозрение.

В случае же, если компромисса достигнуть не удастся, то вопрос будет передан на рассмотрение в Совет Безопасности ООН, который должен периодически принимать резолюции об облегчении режима санкций. Вето на эту резолюцию одного из членов Совбеза будет означать, что санкции возобновляются. На всю процедуру разрешения конфликта и принятие окончательных решений по нему отводится 65 дней.

«Подводные камни» документа и комментарии по тексту

И Барак Обама, и Хасан Роухани уже заявили об «историческом характере» достигнутых в Вене договоренностей. При этом, в полном соответствии с поговоркой о том, что «у победы много отцов и лишь поражение — сирота», каждый из президентов в обращении к согражданам подчеркнул, что Соглашение является именно их успехом — США или Ирана, нужное

Соглашение «не идеально», что оно, по большому счету, не очень подходит ни для США, ни для Ирана, но, это максимум «из того, что мы смогли достичь в нынешних условиях»

подчеркнуть. Более взвешенно по этому поводу высказался министр иностранных дел Исламской республики доктор Джавад Зариф, заметивший, что Соглашение «не идеально», что оно, по большому счету, не очень подходит ни для США, ни для Ирана, но, это максимум «из того, что мы смогли достичь в нынешних условиях».

И действительно, к принятому в Вене документу есть масса вопросов. Прежде всего, одномоментного снятия санкций, на чем так настаивал все эти годы Тегеран, не произойдет. Даже при самом оптимистичном развитии событий — если Соглашение получит одобрение в Конгрессе США, иранском Меджлисе и пройдет аппаратные про-

цедуры в ООН — тот же доступ к своим замороженным активам иранцы смогут получить не раньше, чем к концу нынешнего года. Еще больше времени уйдет на принятие решений американского президента и руководства Евросоюза о снятии тех или иных санкций, отмене нефтяного эмбарго и банковских ограничений. Напомним, что все это будет происходить по результатам инспекционных проверок и выводов МАГАТЭ, в пристрастности и необъективности которых в отношении Ирана мир за прошедшие годы имел неоднократную возможность убедиться.

Даже в отношении санкций, введенных Советом Безопасности ООН, все обстоит не так радужно, как может показаться на первый взгляд. Для реализации положений Соглашения государствам-членам СБ предстоит принять шесть (!) резолюций — исключая, как уже было сказано выше, вопросы поставки вооружений и ракетных технологий — по каждому из аспектов введенных против Ирана международных ограничений. И нет никакого сомнения, что каждая из них будет сопровождаться длительными дискуссиями и регулярными акциями информационной войны, вплоть до появления откровенных фальшивок о неисполнении Ираном своих обязательств.

Не будет преувеличением сказать, что ряд положений Соглашения, особенно в части контроля за его исполнением и обратимостью санкций делают документ крайне уязвимым для действий противников Ирана. Процесс снятия ограничений откровенно «размазан», уязвим для внешнего воздействия и легко обратим. На сегодняшний день гарантиями его выполнения являются только «миролюбивые намерения» Вашингтона, Лондона и Парижа, то есть, по сути, здание Соглашения выстроено «на песке».

Прописанные в документе механизмы контроля за деятельностью Тегерана и процесс снятия с него санкций представляет собою в перспективе, без всякого преувеличения, «короткий поводок» не только для иранской экономики, но и внешней политики. Причем, другой конец этого поводка находится далеко не в дружественных руках. Для прозападных кругов в Иране — призывающих к отказу от антиамериканской политики в регионе и нормализации отношений с Западом — Соглашение действительно является поводом торжествовать. Но вот есть ли повод радоваться у сторонников самостоятельного пути развития Исламской республики, у огромного числа людей, вовлеченных в «экономику сопротивления», у тех, кто не приемлет позицию «Соглашение ради Соглашения»?

Стоит добавить, что пик реализации основных пунктов Соглашения придется на период, когда в Белом доме будет уже другой президент и другая администрация. Которые никак не связаны обещаниями «добиться нормализации отношений с Ираном». Нужно ли говорить, что это открывает самый широкий простор для манипуляций с буквой и духом подписанного в Вене документа?

Борьба закончена — да здравствует борьба!

«Венскому пакту» предстоит пройти жесткое обсуждение в Конгрессе США. 82 дня неопределенности — 60 дней рассмотрения и еще 22 дня до первого голосования. Не менее сложным будет и его прохождение в Меджлисе. У политических элит и в Вашингтоне, и в Тегеране остаются «красные линии», которым еще предстоит сыграть свою роль.

Plus к этому — аппаратные процедуры ООН и работа МАГАТЭ. На каждом из этих этапов возможны любые неожиданности, но главные трудности заключаются даже не в этом. Израиль устами «неистового Биби» Нетаньяху уже назвал Соглашение «капитуляцией перед террором и грубой ошибкой исторического масштаба», а в кабинетах власти открыто говорят, что условия «Венского пакта» никакого значения для Тель-Авива иметь не будут. И борьба с иранской ядерной программой будет продолжена всеми имеющимися и доступными способами.

Позитивные последствия от снятия санкций даже при самом оптимистичном варианте развития иранское общество ощутит лишь, минимум, через год. И то — при условии, что начало реализации Соглашения не будет торпедировано МАГАТЭ. У которого, напомним, остаются серьезные вопросы по содержанию иранской ядерной программы до 2003 года — прекрасный повод обвинить Тегеран в «укрывательстве и несговорчивости», потребовать дополнительной прозрачности на грани нарушения суверенитета Исламской республики, спровоцировав тем самым резкое недовольство политических элит в Тегеране.

Как бы ни убеждали нас в обратном, но точка в «иранском ядерном досье» Соглашением в Вене не поставлена. Поскольку само это досье — лишь прикрытие более серьезной проблемы: экономических и политических санкций, инструмента, которым антииранская коалиция пытается «корректировать» негодный ей внешнеполитический курс Тегерана. Отказ от этой, с позволения сказать, дубинки — и есть главная «красная линия» для Вашингтона, Парижа, Лондона и его союзников на Ближнем и Среднем Востоке. Никаких гарантий того, что этот отказ реально произойдет, «Венский пакт», по большому счету, не предоставляет. А значит и эйфория по поводу «исторического соглашения» как минимум преждевременна. И свидетельствует пока лишь о победе принципа «Соглашение ради Соглашения, а там уже недоработки исправим».

* * *

Действительно, финал переговоров в Вене стал завершением определенного этапа. Этапа борьбы за то, что некий компромиссный документ, дающий надежду на урегулирование вопроса о ядерной программе Ирана, международного признания права Тегерана на мирный атом и связанных с этим обстоятельств, все-таки будет согласован и подписан. Но не успеют отгреметь фанфары и высохнуть чернила под Соглашением, как начнется новый этап — борьбы за его реализацию. Уже сейчас можно с уверенностью сказать, что по накалу страстей, уровню противостояния сторон и по драматизму этот этап превзойдет предыдущий, о конце которого объявили нам с балкона венского отеля «Палас Кобург».

Тегеран: внутриполитическая интрига «Венского пакта»

Для иранского общества и правящих элит страны «Венский пакт» значит куда больше чем просто итоговое Соглашение по ядерной программе. Его подписание дает старт новому этапу политической борьбы между различными общественными силами Исламской республики. Борьбы за выбор одной из альтернатив дальнейшего пути развития — либо сохранение нынешнего антизападного курса и верности принципам Исламской революции, либо отказ от противостояния с США, проведение широких внутренних реформ и политика «прагматизма» в форме внешнеполитических компромиссов, которые в себе носят определенный риск ценностям и устоям Исламской республики.

Народное ликование на улицах Тегерана и восторженно-хвалебные статьи в симпатизирующих президенту Роухани и его команде «реформаторов» местных газетах не нашли отклика и поддержки в кругах «консерваторов»-государственников. Более того, были восприняты ими со вполне объяснимой настороженностью, как тревожный симптом социальной эрозии и серьезных изменений в настроениях общества. Тегеран — это далеко не вся страна, те или иные предпочтения тегеранской улицы далеко не означают, что так же думают и остальные иранцы. Но тот восторг, который частью населения столицы был продемонстрирован после новостей о подписании «Венского пакта», еще раз наглядно показал, насколько глубоко проникли в общество взгляды «реформаторов» и насколько широка поддержка их требований «больших перемен» во внутренней и внешней политике Ирана.

Любая критика подписанного в Вене итогового Соглашения в стране сегодня непопулярна. А эйфория, охватившая часть общества, не позволяет увидеть главный порок «Венского пакта»: Иран поступился частью своих суверенных прав в обмен на достаточно зыбкие гарантии того, что через пять-восемь лет его признают страной, «не представляющей угрозы» для Запада и, соответственно, возможно снимут санкции, под достаточно надуманным предлогом тем же Западом и введенные.

Но логика и объективность сегодня у части иранского общества не в чести. «Возможно, это подписанное в Вене соглашение и не является идеальным», — рассуждает обыватель, — «но никакой альтернативы ему не было. Дальнейшее упорство Ирана могло привести к еще более негативным последствиям, вплоть до войны». Подобные рассуждения — большой успех пропаганды «реформаторов» из близких президенту Роухани кругов. Им удалось представить дело так, что Соглашение в его нынешнем варианте является спасением для Ирана. Им удалось убедить общество в том, что иного

выхода попросту не было. «Реформаторы», по сути, весьма успешно «оседлали» общественное недовольство социально-экономическими проблемами страны, которые совпали с пиком санкционного режима. Именно санкции были объявлены ими источником всех бед. И, соответственно, избавление от них любой ценой было провозглашено панацеей от копившихся годами социальных и экономических проблем.

Этой подменой понятий удалось получить общественный карт-бланш на серьезные уступки США и остальным членам «шестерки» в процессе переговоров. И, одновременно с этим, нейтрализовать критику своих позиций в Вене со стороны «консерваторов». Уступки Вашингтону в подготовке итогового Соглашения и легкий шантаж иранского руководства и общества — «надо в чем-то уступать ради подписания, другого такого шанса не будет» — именно так выглядел тактический рисунок интриги «реформаторов» на переговорах. Спустя несколько дней после заключения «Венского пакта» на сайте Raja News появилась информация о том, что в части того же эмбарго на поставки оружия у иранских переговорщиков был вполне реальный шанс при поддержке России и Китая добиться отмены ограничений. Но делегация во главе с Джавадом Зарифом отказалась заострять внимание на этом вопросе и согласилась на сохранении эмбарго в течение пяти лет. Такая сговорчивость Джавада Зарифа даже удивила Сергея Лаврова, который был настроен на полную отмену оружейного эмбарго, и практически эта позиция была согласована с другими членами «Шестерки».

Пройдет время, и о подобных шекотливых моментах, имевших место в ходе переговоров, станет известно гораздо больше. Поэтому «реформаторам» так важно использовать выгодные для себя настроения в иранском обществе именно сейчас, ведь «победителей не судят», а информация о скользких моментах после победы над «консерваторами» и начала реформ уже не будет представлять особой опасности.

План «ползучих реформ»

Как было уже сказано выше, значение «Венского пакта» воспринимается иранскими политическими элитами гораздо шире, чем просто итоговое соглашение по ядерной программе. «Реформаторы» из президентского окружения рассматривают его как возможность запустить процесс преобразования общества в сторону «большей демократизации и открытости», а во внешней политике начать реализацию курса на «реинтеграцию Ирана в международное сообщество и расширение сотрудничества с ним в решении актуальных региональных проблем». Формула достаточно аккуратная, но мало кто сомневается, что под «международным сообществом» имеются в виду прежде всего Соединенные Штаты и их союзники.

«Долгожданное историческое соглашение должно стать вехой для отказа от конфронтации в пользу диалога, последствия которого отразятся на Иране и мире на десятилетия вперед».

«Это историческое соглашение означает, что длившийся десятилетиями конфликт исчерпан, что односторонние враждебные действия, провокации, шпионаж или саботаж уступили место самому широкому взаимовыгодному диалогу и сотрудничеству».

«Реализация условий Соглашения должна означать серьезную перестройку страны на основе открытости и прозрачности... Неудачный лозунг «Великого Сатаны» должен быть отправлен в мусорное ведро, а на его место должны прийти реформы, устанавливающие верховенство закона, равенство, общественное согласие и формирующие гражданское общество», — вот только несколько цитат из газет и сайтов иранского «реформаторского пула».

План преобразований, «ползучих реформ» иранского общества, экономики и внешней политики, в виде некоего документа или концепции на публичное обсуждение не выносятся. Что совершенно понятно, поскольку реакция политических и деловых кругов, населения и отдельных его слоев может оказаться для «реформаторов» весьма негативной. Но некоторые его положения вполне очевидны:

- «широкая демократизация», означающая, в первую очередь, ограничение влияния духовенства и Корпуса стражей исламской революции на общество, реабилитацию лидеров «Зеленого движения» и устранение барьеров для проникновения идеалов западного «общества потребления»;
- отказ от «экономики сопротивления» и реализация политики «открытых дверей» для западных товаров массового потребления и западных же инвестиций. Что полностью отвечает интересам иранского крупного частного капитала и более мелких предпринимателей, занятых в сфере финансов и услуг;
- компромиссы во внешней политике, сотрудничество с США по наиболее актуальным вопросам в регионе и свертывание поддержки Сирии и движения «шиитского Пробуждения» от Аравии до Афганистана.

Столь же очевидна и прикладная стратегия реализации этого плана «ползучих реформ» — убедительная победа на парламентских выборах 2016 года и обеспечение в дальнейшем избрания Хасана Роухани и его команды на второй срок.

Спекулируя на надеждах, которые родились в обществе после подписания «Венского пакта», поддерживая настроения всеобщей эйфории, иранские «реформаторы», впрочем, осознают зыбкость своего положения. Они прекрасно понимают, что сколько-нибудь заметного положительного эффекта от санкций можно ожидать не раньше, чем через год. А все это время перед ними будет стоять весьма сложная задача — сдерживать разочарование общества от несбывшихся надежд, которые они сами этому обществу внушили. До Вены было проще — все провалы в экономике можно было объяснять санкциями и коррупцией предыдущей администрации. Кто будет назначен «козлом отпущения» сейчас?

При этом, эйфория достигла такого градуса, что жертвами самообмана становятся и сами деятели оппозиции. Начитавшись газет «реформаторского пула», 17 июля для участия в дальнейшей демократизации Ирана прилетел Исмаил Герами Могаддам, один из наиболее активных и известных помощников лидера «Зеленого движения» Мехди Карруби. После событий 2009 года Могаддам, опасаясь репрессий, переехал в Малайзию. Сейчас решил, что наступил благоприятный момент для продолжения деятельности «зеленых». Ошибся, был арестован прямо в аэропорту Имама Хомейни. Что стало красноречивым ответом «консерваторов» на планы «ползучих реформ».

Верховный лидер и сохранение политического баланса

Интрига «реформаторов», стремящихся использовать «Венский пакт» для смещения в свою пользу политического баланса в иранском руководстве, для Верховного лидера и его окружения была очевидна с самого начала. Но проблема заключалась в том, что ответ на нее должен был быть взвешенным, учитывающим ту эйфорию, которую окружение Роухани сумело создать в обществе.

Это потребовало времени. Письмо Роухани с отчетом о достигнутых в Вене договоренностях и содержащее благодарность Рахбару за «интеллектуальное руководство» деятельности переговорщиков их «неизменную поддержку» было отправлено в канцелярию Верховного лидера 14 июля. Ответ на него был дан лишь стуки спустя и был подчеркнута сдержанным: «Текст Соглашения должен быть тщательно изучен и пройти юридическое утверждение. Если он будет одобрен, то необходимо приложить усилия к защите его реализации от возможных нарушений другой стороной».

Но окончательное резюме Верховного лидера последовало 18 июля, во время его публичного выступления. Во-первых, Али Хаменеи отметил, что заявления американской стороны о том, что она «заставила Тегеран остановить свою ядерную программу» не имеют под собой никаких оснований. И, по большому счету, это именно Запад пошел на уступки, признав права Ирана на продолжение ядерных исследований. Что, как отметил Рахбар, является «результатом стойкости всего народа и успехов наших ученых».

Во-вторых, Верховный лидер особо подчеркнул, что ядерная программа является единственным поводом для переговоров с США, а позиция Ирана по отношению к другим конфликтным вопросам двухсторонних отношений изменений не претерпела. «Наша политика в отношении высокомерных Соединенных Штатов осталась неизменной. Мы не ведем и не намерены вести с Америкой переговоры по другим региональным и глобальным проблемам».

И, в-третьих, Рахбар четко и однозначно заявил, что «вне зависимости от заключенного Соглашения, вне зависимости от того, будет оно реализовано или нет — Иран продолжит поддержку своих друзей в регионе», палестинцев, йеменцев, шиитов Ирака и Бахрейна, Сирию и ливанскую Хизбаллу.

«Лозунги «Смерть Америке» и «Смерть Израилю» и впредь будут звучать на иранских улицах», — заявил Рахбар, обращаясь к своим слушателям. Восторженные возгласы и единодушное одобрение собравшихся были ответом на эти слова Верховного лидера», — говорится в одном из отчетов местной прессы о публичном выступлении Али Хаменеи.

Одновременно с этим Рахбар счел возможным выразить свое одобрение деятельности иранских переговорщиков в Вене. Пожалуй, это главный элемент той ответной тактики, которую «консерваторы»-государственники избрали в качестве ответа на попытку «реформаторов» сменить политический баланс в стране. Дебаты по итогам Вены, разумеется, будут, но, учитывая настроения в обществе, в целом «Венский пакт», даже с учетом всех недостатков, будет одобрен политическими элитами Ирана и пройдет процедуру одобрения в парламенте страны.

Но на этом политический диалог с США и Западом будет закончен. Его расширение и связанные с этим «ползучие реформы» и есть та красная линия, которую «консерваторы» сегодня обозначили, и за которую переступать не намерены. Что ясно дает понять и выступление Рахбара, и сдержанность консервативных элит в отношении обсуждения «Венского пакта»: «свершившееся — свершилось, но на этом наши уступки Западу и реформаторам внутри страны закончились».

Что же касается экономики, то большинство политиков и специалистов совершенно справедливо считают, что проблемы народного хозяйства Ирана не исчезнут с отменой санкций, да и не в них, собственно, дело. Как отметил министр экономики и финансов Али Тайебния, здесь «проблемы носят структурный характер и требуют взвешенных и продуманных решений, свободных от политической конъюнктуры».

* * *

Удастся ли консерваторам эффективно заблокировать план «ползучих реформ» и не допустить перекоса политического баланса в сторону оппонентов — покажет время. «Венский пакт», помимо прочих последствий, запустил серьезный политический процесс внутри Ирана. Современные вызовы, накопившиеся проблемы в социальной и экономической сфере, безусловно, требуют ответа в виде определенных изменений и в обществе, и в управлении, и в структуре народного хозяйства. Вопреки общему заблуждению, иранские консерваторы это осознают ничуть не меньше реформаторов из президентского окружения. Но при этом считают самым важным не реформы ради реформ, а сохранение ценностей Исламской республики, социальной стабильности и политического баланса в обществе.

Редакция приглашает к сотрудничеству политиков, экспертов и читателей, которые разделяют цели и задачи журнала и полагают, что их материалы могли бы внести вклад в формирование у российской и зарубежной аудитории объективного, реалистичного представления о современном Иране, его внутренней и внешней политике.

Более подробно об условиях сотрудничества смотрите на сайте журнала www.siran.ru. Ждем Ваших авторских статей по адресу info@iran.ru

